

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 1 (27) 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор –

Антон Геннадьевич Хрулёв,
antonkhrulev@yandex.ru

Общественный совет журнала

Татьяна Владимировна Авдеева-Кадникова, Алексей Алексеевич Питиков, Людмила Павловна Захарова, Игорь Юрьевич Коротков

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru, редактор – Анна Сергеевна Коржавина, e-mail: askorgav@mail.ru,

художник – Марина Владимировна Полежа́й (Герасимова),

e-mail: cubernihellady@inbox.ru,

технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,

e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественностью – Игорь Владимирович Табаков, e-mail: igor.tabakov.65@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина, e-mail: ninavs@mail.ru

дизайн обложки – Никита Мошинский, e-mail: SwedenSew@yandex.ru

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имён собственных и прочих сведений. Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 5.01.2025. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая. Усл.-печ. л. 4,8. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14

Тел. +79677016814

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,

e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У.

Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА. НАША БОЛЬ. НАША ПАМЯТЬ

Александр Жаткин. И вечный бой	3
Татьяна Кадникова. Аллея Ангелов	3
Александр Яшин. Саботаж	4

ПРОЗА

Виктор Желтов. Время молчания	5
-------------------------------------	---

ПОЭЗИЯ

Инвер Шеуджен. «Под сенью восходящих лун...»	11
«Выйду в поле, время закатное...»	12
Когда небо прольётся дождём	13
Осень	13
Кавказ	14
Людмила Вечёркина. Певунья	15
Елочные игрушки	16
Детство	17
Словотечение	17
Шопен	18
Марина Герасимова. Наде Князевой	19
«Ты говоришь, что полная ерунда...»	19
«Догорает вера в людей. Дуй на тоненький фитилёк»	20
По Блоку	20
«Комкуется, хохлясь...»	21

СТИХИ ДИПЛОМАНТОВ И ПРИЗЁРОВ КОНКУРСА

«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2024»

Татьяна Вадюнина. Октябрь и я	21
Нина Стёпочкина. Сирийский снег	22
Виктория Беляева. Фонарь	23
Владимир Курков. Осенний сплин	24
Лариса Федотова. Ночь перед Рождеством	25
Анатолий Арестов. Человек, распятый небом	26

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Антонина Кулешова. Февральская вьюга	27
Алексей Булыгин. Пообщаемся	28
Анна Коржавина. «Скоро двор зарастёт травой...»	28
Виталий Соколов. Переживём	29
Валентина Филатова. Мой сад	29
Владимир Курков. Околдованный	30
Ольга Белова-Далина. Разговор с ивой	30
Татьяна Шварева. Вьюга	31
Марина Соловьёва. «Давно исписанные свитки...»	31
Томас Городнова. Зажглась звезда	32

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена Погорелая. Оне (продолжение)	42
Сергей Арутюнов. «Пока молимся...»	38

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Немова, Лидия Терёхина. Сурский звук	42
Александр Волков. Герой жил на соседней улице	46

ПУБЛИЦИСТИКА

Антон Хрулёв. Внутренний голос	48
Игорь Коротков. Кто ест шокша	50

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Лидия Терёхина. Война у каждого своя	52
Записки капитана Выборова	54
Марат Валеев. Перед боем	56
Олег Карев. Я убит, но не сломлен	57
Александр Кукаев. Суворовские носки	58

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕМ»

Владимир Антипов. Л. И. Терёхиной	60
Нина Стёпочкина. Вериги памяти	61
Ольга Корчагина. Татьяна Рузаевой	61

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Маргарита Ардашева. Про буквы	62
Елена Ноник. Никверто-12-й	63
Задача	64

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Иван Панькин. «Этот дом давно заброшен...»	65
«Весенний гомон. Блещет солнце...»	66
Старый дом	66

СОБЫТИЯ. ДАТЫ	67
---------------------	----

ВОЙНА.

НАША БОЛЬ.

НАША ПАМЯТЬ

Александр Каткин

с. Канаевка Городищенского района Пензенской области

И вечный бой

Наследники когда-то недобитых
Берут реванш, вонзая в правду нож.
Но высока у нашей памяти орбита –
Её достичь не смогут тлен и ложь.

На той орбите, недоступной грязи,
Гром канонады, танковый прорыв,
Зубами сжаты провода для связи,
И боли взрыв, и ярости порыв.

На той орбите стон детей Хатыни,
Цветы Белграда, Бухареста, Праги,
И слёзы вдов, солёные поныне –
Как следствие мужей осознанной отваги.

Сейчас от нас исход зависит боя,
В котором смерть и явственна, и зрима.
Лишь мы, подняв их знамя над собою,
Победу принесём непобедимым.

Татьяна Кадникова

г. Заречный Пензенской области

Аллея ангелов

Аллею ангелов
заботливой рукой

укроет небо,
словно согревая.
Прости, малыш.
Ты здесь нашел покой...
Игрушки рядом... мама...
Твердь земная
вас разделяет.
Голос нежный глух,
сочится кровью
любящее сердце.
Но ты в раю
и твой спокоен дух,
и раны стали
не видны на тельце.
Твоя судьба
не только мамин стон –
твоих убийц
возмездие настигло...
Здесь утром
малыши со всех сторон –
невидимые –
затевают игры.

Александр Яшин

г. Пенза

Саботаж

Давно грохочет канонада
У пограничного столба:
Кого-то ждёт в тылу награда.
Кого-то – тяжкая судьба.
Отправки жаждут эшелоны,
Но путь – за кипюю бумаг:
Не те портянки и погоны,
И всё ни этак и ни так.
А в ресторане – звон бокалов,
И кто-то требует квартет
Сыграть для сонных генералов,
Не опоздавших на обед.

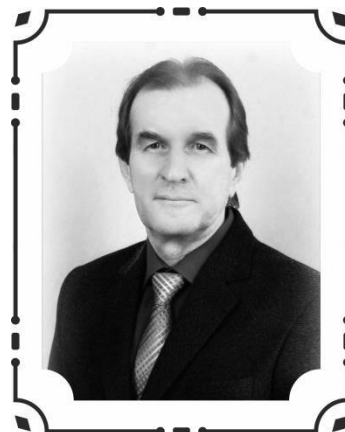
ПРОЗА

Виктор Желтов

Виктор Павлович Желтов родился 13 сентября 1958 года. Он работал в школе-интернате воспитателем, в доме юннатов. Преподаёт биологию и географию в школе № 1 г. Сердобска. Почётный работник общего образования Российской Федерации, награждён многими грамотами.

Виктор Желтов пишет прозу и занимается краеведческими исследованиями. Печатался в газете «Сердобские новости», альманахе «Золотая лира», коллективном сборнике «Перекрёсток».

Время молчания

Зима – замечательное время для любителей её традиционных видов спорта. Один из них – лыжный. Огромное количество людей ждут наступления этого сезона, чтобы насладиться всеми прелестями, которые он предоставляет. Как только снежный покров позволит по нему пройти, миллионы любителей лыжного спорта и прогулок устремляются на зимние трассы. Морозный воздух, активное движение, красоты природы быстро позволяют человеку запастись бодростью и позитивными впечатлениями на долгое время.

Работающему человеку зимний короткий день не всегда предоставляет возможность воспользоваться этим бесценным даром природы. Остаются для этого, как правило, выходные дни. Для меня, школьного учителя, таким днём является воскресенье. Хотя иногда удавалось пробежаться на лыжах и после работы. Правда, возвращаться из леса, где проходит лыжная трасса, приходилось уже затемно. Январский день хоть и прибавляется немного, но все равно темнеть начинает уже около четырёх часов. Благо, что белый снег позволяет хорошо ориентироваться и не терять лыжню.

В один из таких дней, в субботу, я чуть раньше освободился и отправился в лес. Пройдя по просеке, что начинается у спортивной площадки школы, я попал на лыжную трассу. Прямо уходила лыжня на пятикилометровую трассу, а влево – к Поляне чудес. Так называют конечную точку маршрута, которым пользуются любители лыжных прогулок. Этой трассой

часто пользуюсь и я, так как многие спортсмены используют другой маршрут, приспособленный для конькового хода, а этот подходит только под классику. Идти по такому маршруту ещё удобней и потому, что на нём меньше попадает людей и не приходится часто делить лыжню с встречаемыми или обгонять кого-то.

Погода в этот день была на редкость подходящая для прогулки. Слабый мороз не ощущался из-за тихого снегопада. Видно, в этот раз не было у природы серьёзных намерений застудить лыжников. Бежать было легко. Тонкий слой свежего снега делал скольжение мягким и плавным. «Утром будет замечательная пороша», – подсказывала мне душа охотника. Снежинки казались невесомыми и как бы, не желая опускаться вниз, парили среди ветвей деревьев, словно на них не действовало земное притяжение. Ветра не было, и казалось, что снегопад, сорвавшийся сверху, завис в январском воздухе. Незаметно надвигались сумерки. На трассе мне никто в такое позднее время не встретился.

Добежав до Поляны чудес, я остановился и, замерев, наблюдал, как лес распростёр кверху свои кроны и купался в снежном потоке. Поразительная тишина усиливала сказочность происходящего и вызывала восторженное изумление. Хотелось остаться здесь и предаться блаженству созерцания зимней сказки. На долгое удивление не было времени: уже темнело. Надо было спешить, и я побежал в обратный путь. Опять лыжня заплеталась по зимнему лесу. Деревья как будто расступались, освобождая пространство в коридоре из стволов, а падающие снежинки источали матовый свет, улучшая видимость. Казалось, что высоко в небе они захватили немного света от заходящего солнца и, падая, испускали его, как миниатюрные светлячки. Состояние это длилось недолго, и через некоторое время я уже бежал по тоннелю, где

хорошо угадывалось только его дно, и сама лыжня держала лыжи, как рельсы колёса поезда. Сумерки для одинокого путника в лесу становились немного жутковатыми. Продолжалось это недолго, я вышел на опушку леса и словно попал в другой мир. Впереди вырастали дома со светящимися окнами и мелькали редкие прохожие. Через пять минут я был уже дома и делился впечатлениями о лыжной прогулке. А про себя уже обдумывал завтрашний поход.

Январская ночь длится долго, и утро наступает поздно. На улице рассвело, но солнце еще не показывалось: небо, как матовый плафон, скрывало его от глаз. Синоптики точно спрогнозировали циклон. Такое состояние погоды может длиться не один день. Земля словно нежилась под зонтиком, который зима расправила высоко над ней.

Я снова на лыжне в лесу. Пока по ней ещё никто не прошёл. Чувствую себя первопроходцем, сегодня я обновляю заснеженную трассу. Лыжи легко и свободно скользят по колее, присыпанной тонким и нежным слоем снега, выпавшим вчера в ночь. Если бы день был солнечным, то по белому снежному покрову уже побежали бы длинные тёмно-серые полосы теней от стволов деревьев, придавая ему интересный вид окраски зебры. Отсутствие же яркого солнечного света в такой ситуации делает снежное полотно однотонным, и лишь слабые бледно-голубоватые волны выдают неровности. Опытному глазу понятно, что здесь был когда-то наметён небольшой сугроб, здесь скрыта ямка, там – старый пенёк, а тут снег укрыв купол муравейника и ствол поваленного дерева.

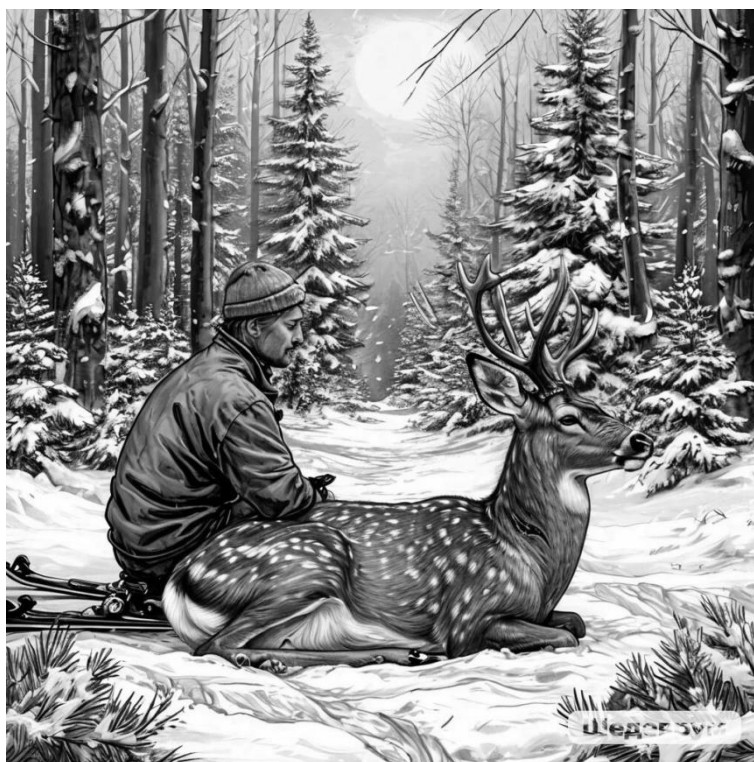
Опять обновляю лыжню. Два острых носика лыж, как челноки, движутся над поверхностью снежной шубы, как будто отдельно от них. Снежная шубка спадает на лыжи, и до ботинок их не видно. Лишь ботинки, разрывая её, сбрасывают с колее, оставляя две чистых полосы.

Лес после снегопада преобразился. Мне думалось, что только после дождя лес выглядит чище и свежее. Оказывается, что и после снегопада он становится таким. Лес ещё не совсем проснулся после ночи и, как человек, продолжал нежиться в снежной постели. Тишину не нарушали редкие голоса птиц, и сами они не попадались на глаза, возможно, поджидая людей у кормушек на тропе, что ведёт к родникам. Следов каких-либо зверей я тоже пока не встречал, хотя накануне попадались следы русаков, лисиц и куницы. Подбегая к осиновой делянке, неожиданно увидел цепочку следов косули, которая слева направо пересекала лыжню. Отпечатки копытцев этого некрупного оленя уходили вправо по небольшому коридору между деревьями. Справа от следов заметил на снегу небольшое красное пятнышко размером с горошину, похожее на кровь. Очевидно, животное где-то незначительно повредило ногу. «Такое бывает», – подумал я. Косуля прошла незадолго до меня со стороны оврага, что идёт к дачному посёлку Чесночное. Удивившись редкому случаю, я продолжил путь к конечной точке прогулки – Поляне чудес.

Пройдя ещё около двух километров, преодолев просеку высоковольтной линии, я поднялся вверх, к поляне. Она располагается на краю Попова оврага. С неё в хорошую погоду зимой через голые кроны деревьев видна далеко внизу долина реки Сердобы, на противоположном её берегу виден на косогоре сосновый бор, а ниже него к берегу спускается Калачёв лес. На противоположной же стороне оврага заметны скаты крыш крайних домиков посёлка Чесночное. Сегодня после ночного снегопада зима разве-

сила на ветвях деревьев снежную паутину. Получилось сказочное кружево, которое заполнило все свободное пространство между ними, спрятав от глаз то, что за ним находится. Словно зима сомкнула шторы, чтобы постороннему не было видно, как выглядит после ночного сна просыпающаяся природа. Мне и самому не приходило в голову тревожить всё окружающее в этот момент.

Как и в другие времена года, утром хочется подышать свежим воздухом, остывшим за ночь и заряженным бодростью. Постояв некоторое время, я отправился в обратный путь. Теперь я шёл уже по накатанной лыжне, оставляя после себя обновлённую трассу, по бокам которой тянулись беспорядочно изрытые лыжными палками небольшие борозды. Хотелось смотреть и смотреть на преобразования после ночного снегопада. Казалось, что деревья смущаются своего нового наряда, который им подарил вчера январь. Так бывает и у людей, когда они появляются в обществе в новом одеянии и ожидают оценки. Снег же зимой, на мой взгляд, всегда к лицу природе. Он шёл без ветра, поэтому стволы деревьев и ветви оказались с боков незакрытыми. Объём крон зрительно увеличился.

Мой путь снова подошёл к месту, где я увидел переход косули. Остановившись около следов, посмотрел в сторону, куда они уходили. По узкому пространству, похожему на брошенную просеку, тропа шла к её концу. В метрах тридцати – сорока она упиралась в стену из стволов деревьев, на краю которой выделялась чета высоких и красивых лип. Я сделал всего пару шагов, зайдя слева от тропы, чтобы лучше изучить следы косули, как откуда-то с нижних ветвей деревьев возле лип взлетели две крупные чёрные птицы. Это были вороны. Они опустились на верхушки лип, стряхнув с них облачка снежной пыли и молча замерли. Это насторожило. Не зря этих птиц считают спутниками трагедий. Я решил пройти по тропе дальше и выяснить причины странных совпадений: капля крови на снегу и здесь же рядом эти птицы с их дурной репутацией. Сделал несколько шагов в сторону лип, как вдруг вороны, громко и возмущённо прокаркав,

поднялись и улетели куда-то за снежную кромку леса. Это меня ещё больше заинтересовало и подтолкнуло к дальнейшему расследованию.

Пройдя ещё два шага, справа от следов косули я обнаружил опять каплю крови на снегу. Очевидно, тёплая, липкая капелька крови, попав на снег, подтопила его незначительно и застыла, превратившись в небольшой корявый шарик красно-бурого цвета. По ходу следов через метр была ещё одна капля крови, через метр – ещё и ещё... Параллельно следам животного так и тянулась строчка из кровавых бисеринок. Предчувствие трагедии меня не обмануло. Пройдя по следам до лип, под их раскидистыми ветвями я обнаружил на снегу тело погибшей косули. Увиденная картина не просто поразила меня, а ввела в ступор. На левом боку лежала молоденькая оленуха, которой не довелось ещё стать матерью. На правой стороне животного, с которого падали капли крови, никаких признаков ранения не было, шерстка была чистой и неиспачканной. Казалось, что кто-то нежно и осторожно положил её на белое полотно. Снег был нетронутым – никаких следов агонии не наблюдалось. Животное словно нежилось, вытянув стройные ножки с миниатюрными копытцами. Симпатичная мордочка с чёрным носиком и маленькими губами выдавала сходство с большой детской игрушкой. А короткие серебристые волоски с белыми кончиками, покрывавшие тело, усиливали этот эффект. Крупные, открытые, ясные глаза, обрамлённые длинными ресницами, словно с укором смотрели на мир, спрашивая: «За что вы это со мной сделали?». А уши, непропорционально крупные и напряжённые, как будто старались услышать ответ на заданный вопрос.

Западносибирская косуля долгое время была редким гостем на просторах нашего края. Последнее время численность её стала значительной, что дало основание сделать её охотничьим объектом. Но долгие годы охота на неё оставалась под запретом, и только браконьеры не соблюдали это правило. Косули – животные безобидные, красивые и добрые. Почуввав опасность, они, как и многие звери, могут замирать и стоять неподвижно. Часто эти животные выходят к населённым пунктам. Очевидно, и эту косулю у дороги к посёлку Чесночное или к Студёновке рано утром заметил человек с ружьём. Именно просто человек с ружьём, а не настоящий охотник, который никогда бы не поступил так. Выстрел или был сделан с дальнего расстояния, или в спешке, или крупной дробью. Это не причинило животному серьёзного повреждения, но крупная дробина или картечина задела важный кровеносный сосуд. Сильного кровотечения не было, оленуха без видимых повреждений скрылась от браконьера. Преследовать и добирать животное стрелок не стал, так как его могли застать за этим преступлением, и он, видимо, был убеждён в своём промахе.

Косуля двигалась в направлении Попова оврага, придерживаясь знакомой тропы. Рана оказалась смертельной для неё. Кровь медленно, капля за каплей покидала её тело, унося жизненные силы. Животное боролось за

свою жизнь, не осознавая сути происходящего. Природа как будто помогала своей любимице и стелила снегом ей путь к последнему пристанищу. Каждый шаг косуле давался всё труднее и становился всё короче, о чём говорили следы на свежем снегу. Дойдя до лип, животное потеряло сознание и упало на снег.

Постояв около погибшей косули некоторое время, я с тяжёлым чувством направился к лыжной трассе и встретил супружескую пару с мальчиком. Увидев меня на просеке в стороне от трассы за непонятными действиями, они задержались и решили выяснить, что меня там заинтересовало. Я рассказал им об утренней трагедии, что произошла с косулей. Услышав это, они впервые с удивлением узнали, что в нашей местности живут такие олени. Неожиданно для меня, они обратились с просьбой разрешить им посмотреть на это удивительное животное. Как будто это зависело от меня, и животное было моей собственностью. Получив моё согласие, семья свернула на тропу и направилась к липам.

А я, добежав до осинової делянки, удивился, как она выглядит. Раньше я этого не замечал. Здесь несколько лет назад заготавливали осину. Здоровые деревья вывезли, а старые трухлявые стволы были беспорядочно повалены и теперь напоминали мне тела погибших великанов после страшного побоища. Присыпанные снегом, они ещё больше усугубляли мрачность этой картины. Свободное пространство между ними быстро заполнил молодой подросток, дружно тянущий свои жиденькие кроны к небу. Еще пройдёт несколько лет, и они безжалостно будут бороться друг с другом за свет и воду. Не все из них увидят взрослую жизнь.

Тишина по-прежнему царила в лесу, укутанном белой вуалью, которую исчертили тёмные стволы деревьев. Не слышно было голосов людей, птиц и шума деревьев. Лес как будто замер, объявив о погибшей любимице минуту скорбного молчания. Хочется верить, что объявленное когда-то природой время молчания не будет длиться бесконечно. Я подбегал уже к опушке леса. Ритмичные удары лыжных палок напоминали мне звуки метронома, а из-под лыж кто-то вполголоса строго предупреждал: «Тише, тише! Тише, тише! Тише, тише!..».

Поэзия

Инвер Шеуджен

Инвер Шеуджен – российский и адыгский поэт, родился 22 февраля 1970 г. в Краснодаре. Окончил Кубанский государственный технологический университет. Стихи его публиковались в авторских книгах, множестве коллективных изданий и в различных журналах. Они переведены на многие языки мира. Он лауреат Международных конкурсов, Национальной премии «Золотое перо Руси», член Клуба писателей Кавказа и Союза писателей Сербии, серебряный медалист Всероссийского литературного фестиваля «ЛиФФт-2023» и др.

Так живёт Кавказ

Под сенью восходящих лун...

Под сенью восходящих лун
Я в ночь вступаю, как на плаху.
А было время, был я юн,
И окунался в жизнь, без страха.
Сегодня зрелый муж, но чей,
В пустынном доме эхо вторит.
Судьба моя, как сонм клетей,
А мне бы, на просторы моря.
Туда, где горизонт криклив,
От чаек, над волной парящих.
Где вдохновения прилив
Наполнит душу настоящим.
Туда, где бронзовый закат

Над гладью стелется, как прежде.
И маяки во тьме горят,
Даря блуждающим надежду.
И там, в час меркнувшей зари,
Вдохнув как воздух, упоенье.
Я обрету покой внутри,
Уняв душевное смятение...
Разлился в тишине ноктюрн,
Ночь за окном, как призрак плахи.
А было время, был я юн
И окунался в жизнь, без страха...

Выйду в поле, время закатное...

Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет линиялые.
Воля вольная, жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает полынью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрощенный,
В уголки забредая бедовые.
Рвутся с повода кони ретивые,
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
На пригорке поодаль, стыдливая,
Как невеста, берёза – красавица.
Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки до боли исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,
И погосты родные ухожены.
Но не мною, простите, не хаживал,
Поклониться бы в пояс, покаяться.
Постоять пред могилою каждого,
И поплакать, душа коли мается...
Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет мне, балуя.
В алом зареве степь необъятная,
Я вернулся на родину малую...

Когда небо прольётся дождём

Когда небо прольётся дождём,
В полумраке, размытым пятном,
Не во время дневной суеты,
Когда город во власти толпы,
Мне по нраву бродить одному,
Погружаясь в дождливую тьму.
И в раздумьях, застыть под столбом,
Под бледнеющим жёлтым огнём.
И узрев озаренья черты,
И ликуя, что выбран им ты.
Строчки первые, вслух в темноту,
Бросить нежно, лелея мечту.
Барабанит по крышам вода,
А мне слышится голос дождя.
Одинокие бродят зонты,
И под каждым мне гредишься ты.
А душа в этот миг, так хрупка,
Откликаясь ей, вторит строка.
Собираясь дождливым стихом,
Под забытым фонарным столбом.
И брожу я под летним дождём,
В полумгле, неприкрытый зонтом.
Не люблю я дневной суеты,
Когда город ворует мечты...

Осень

Полураздета осень, дождь по крыше,
Проплешинами лужи, неба ширь,
Легла на плечи, запах снега слышен,
Октябрь рядом, в чай кладу имбирь...
Качает лодки одиноко осень
На глади опустевшего пруда.
Принарядила кромки зрелых сосен,
Какие, мол, девчонки, вам года...
Чернильным стало небо на закате,
Я вспомнил лето, встречу у реки,
Ты танцевала в васильковом платье,
В костре сгорая, пели угольки.

В небесной дали, звёзды проплывали,
Ночь озаряя – глаз не оторвать!
А мы своей судьбы ещё не знали,
О многом я хотел тебе сказать...
О счастье, о любви, слов не хватало,
Несказанное разрывало грудь.
А ты в ответ, чуть слышно прошептала –
«Я не твоя, с другой счастливым будь».
Опала осень, говор птиц не слышен,
Нахмурившись, застыла неба ширь.
Дождь барабанит битый час по крыше,
Я по привычке в чай кладу имбирь...

Кавказ

Небо на ладони, шапки гор седые,
Вьётся змейкой речка, чище нет воды.
Девушка с кувшином, чёрные глаза
Гордые мужчины, янтарём лоза...
В яблонях долины, хоженной тропой
Кони с чёрной гривой мчат на водопой.
Шёлковые травы в росах поутру,
Тут детей с рожденья учат лишь добру...
Ледяные скалы памятью полны,
На стене кинжалы с давней той войны.
Здесь народ адыгский издавна живёт,
За столом лишь старший голос подаёт...
В поднебесье беркут крылья распростёр,
Как молитвы песни, а в груди костёр.
Танец – отражение жизни, без прикрас
Честь и уваженье, так живёт Кавказ...
Горы-исполины, как века, седые,
А в Лабе хрустальной чище нет воды.
Девушка с кувшином, чёрные глаза,
В виноградных бусах алая лоза...

Людмила Вечёркина

Людмила Васильевна Вечёркина родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала главным редактором культурологического журнала «Марка». Стихи публиковались в «Литературной газете», различных журналах. Она лауреат международных и всероссийских конкурсов, награждена почётным знаком «За вклад в русскую поэзию». Член Союза писателей Москвы. Автор семи поэтических книг и трёх музыкальных альбомов.

Братство игрушек

Певунья

В замёрзшем зябком январе,
лишь утвердился Новый год,
на снежной ёлке во дворе
пичужка весело поёт.

Ещё зимы царит пора,
и только стихло Рождество,
а пташке радостно с утра
петь, славя жизни торжество,

простора белую вуаль
в остуде солнечных лучей.
Её стараньям вторит даль,
и щебет льётся, как ручей.

Надежды неперенный звук,
такой прозрачный и простой,
как отрицание разлук
под неизбывной высотой.

Не затерявшись в тишине,
она сама как добрый знак.
Вещунья-птичка пела мне,
что чистый свет рассеет мрак!

Хотя так долго до весны,
морозы с севера плывут,
но явь отринет злые сны...
Певунья, как тебя зовут?

Ёлочные игрушки

Уже с ноября я ждала Новый год
и каждое утро его торопила.
Не то чтобы дел утомил хоровод,
но в будни врывалась волшебная сила.

Достать с антресолей просила мой клад,
чтоб с тихим восторгом проверить сохранность.
Хоть папа был этой затее не рад,
но всё ж понимал дочки маленькой странность.

И вот, наконец, он с трудом находил,
убрав чемоданы, коньки, безделушки,
фанерный ковчег, что мне счастье дарил,
ведь в ящике старом томились игрушки.

Героев из сказок, ежат и зайчих –
стеклянное чудо цветного богатства –
я снова встречала, я гладила их!
Моё неподкупное хрупкое братство...

Вновь жизнь угодила в капкан декабря.
Теперь я сама достаю из коробки
игрушки и, праздник домашним даря,
волнение излишнее прячу за скобки.

И что там внизу? Стало больно глазам.
Слетела с поникших гирлянд позолота,
родные зверюшки, мой детский бальзам,
разбились, не выдержав долгого гнёта.

Но как уцелели, зарывшись на дне,
в соседстве с сияющей новой хлопушкой
будильник, повисевший время в цене,
и битые жизнью старик со старушкой?

Детство

Если бы было можно,
жить бы и жить на свете
просто, неосторожно,
радоваться, как дети:

тёплой лесной проталинке
после коварной стужи,
скинуть пальто и валенки,
туфельки вымыть в луже.

Классики – на асфальте,
игры с мячом и скакалкой.
Как мы любили в марте
бегать с подружкой Галкой!

Солнце – отбой ненастью! –
щедро сулит удачу!
И эскимо – на счастье,
и леденец – на сдачу!

Словотечение

Душа истекала стихами,
так соком исходят берёзы.
Встречая рассвет с петухами,
роняла чернильные слёзы.

Рассвет, словно йодом на рану,
казался в тот миг облегченьем...
И капли из ржавого крана
наполнились словотеченьем.

Вот-вот – и возникнут в тумане
на редкость белёсого утра
стихи на оконном экране
в заре перламутровой пудры.

И рифм зазвучал полушёпот,
и свет задрожал в паутине.

И эха летящего ропот,
как тень на размытой картине!

Жду час. Где ж застряли шедевры?
Какие-то глюки рассудка...
А муза – коварная стерва,
бессонницы подлая шутка!

Шопен

Диез повысил настроенье,
таил трагедию бемоль.
Но вмиг растаяло смятенье
на верхней ноте стихла боль.

Как возникали эти звуки,
мотивов ясных торжество?
В необратимости разлуки
любви царило волшебство!

В саду Эдема – вальс влюблённых,
трель соловья и плеск реки,
а в переливах оживлённых
Шопена слышались стихи.

Открыв гармонию вселенной,
он как великий музыкант,
создатель музыки нетленной,
оставил людям свой талант.

Прозрачные роня брызги,
звенит каскад чистейших нот
и прославляет радость жизни,
с небесных падая высот...

Марина Герасимова

Марина Владимировна Герасимова родилась 7 ноября 1985 года в г. Каменке Пензенской области. Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. В. Г. Белинского.

Автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в различных журналах, сборниках и альманахах.

Победительница IV Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри», лауреат Всероссийской премии им М. Ю. Лермонтова и губернаторской премии. Художник журнала «Четверговая соль», член редсовета альманаха «Рой». Участница литобъединения «РИФ». Член Союза писателей России.

Поиск персеид

Наде Князевой

Твои стихи – как расклад таро.
Всё – про меня. Всё как мир старо.
Но в горле свежий шершавый ком.
Твой неуют мне до слёз знаком.

И старый город, как сладкий тлен,
И тот, кто скрыт пеленою стен,
И то, что явственней мир – внутри.
Выруби электричество – и гори.

Назло закрученным огурцам,
Чужим гераням, живым отцам,
Знамёнам стиранного белья.
Откуда здесь появилась я?

* * *

Ты говоришь, что полная ерунда
поиски персеид – да на дне пруда
сачком рыболовным.
В бархатный жирный космос – с разбегу – плыть,
и раствориться, и размагнититься, и любить
всех – поголовно!

Если внутри непролазная чернота –
так же попробуй – в космос шагнуть с моста –
в тину и ряски.
Пятку порезать о месяц на скользком дне,
руки обжечь в юрком кометном огне –
вынырнуть в новой сказке.

* * *

Догорает вера в людей. Дуй на тоненький фитилёк.
Золотые рыбки сдохли под языком –
задохнулся от дыма в горле острый раскатистый гнев.
Бог устал нас любить?
Невозможно – на то и он Бог!

Есть любовь манной ложкой,
не сетовать ни на что
продолжай, мой хороший,
да будет в руках твоих хлеб
и, конечно, вино –
молодая горячая кровь.
Если жертвовать – только собой,
но смотри – для кого?

По блоку

Улица. Ночь. Не светят фонарь и аптека.
Мне не осилить тяжесть горячих век.
За руку возьму рандомного человека
и говорю: «Родимый мой человек,
ты, как и я, носитель бессвязной речи,
медленно тлеешь в сером своём аду,
может быть, я укутаю твои плечи?
может быть, я без стука к тебе войду?».
А человек рассыпается на мотыльков мохнатых,
медленных кошек и серебристый пар.
И говорит откуда-то изнутри:
«Одна ты.
Это твой дар».

* * *

Комкуется, хохлясь,
простуженный космос
в щербатых расщелинах
между домами.
Кометы пикируют в лужи, и морщась,
брезгливо трясут грязевыми хвостами.
Осенняя хмарь проверяет на прочность,
мне хочется влезть в космонавтов латы.
Долой невесомость! Я весь обесточен.
И клёна листья однобоко-крылаты,
сухи и желты, и навязчиво-хрустки.
А птицы-предатели, вдаль улетаю,
роняют на плечи мне
космоса сгустки –
привет из далекого горного края.

СТИХИ ДИПЛОМАНТОВ И ПРИЗЁРОВ КОНКУРСА «ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2024»

ПЕРВОЕ МЕСТО ПОДЕЛИЛИ

Матьяна Ваюнина

г. Сердобск Пензенской области

Октябрь и я

Октябрь извёл всю акварель –
в сто кистей красил.
Достал гуашь, добыл пастель,
дошёл до масел.
Он выдумал особый цвет,
истратив жёлтый,
и страстью красил бересклет,
печалью – вётлы.
Он тонким золотцем берёз
с подмесом хмеля
пронзительней прощальных слёз
обрызгал ели.

Очнись, творец! Тебя буян
уже приметил.

Полубезумен, полупьян
взвихрился ветер.
Рвал и метал два дня подряд
гуляка вздорный.
Лес исхудал. Дырявый сад
стал с горя чёрный.

... Не свой ли я финал смотрю,
раздвинув шторы?
Всё то же ... Только октябрю
даны повторы.

Нина Стёпочкина

г. Пенза

Сирийский снег

Наталье Каресли

Всё это было будто в сказке:
Сирийский остужая зной,
Снег закружился над Дамаском,
Как снежной пензенской зимой.

Ложился он на пальмы, храмы,
На танки, каски у солдат,
И будто бинтовались раны
Земли под грохот канонад.

— Что за знаменье, что за чудо? —
Сойдясь, шептались старики. —
Что за покров? Пришёл откуда
Природе нашей вопреки?

Шёл снег целебною остудой:
Затихли временно бои.
И подставляли люди чуду
Ладони смуглые свои.

А ребятишкам вот потеха!
Холодный снег, как эскимо!
Не слышала такого смеха
Земля сирийская давно.
И дети радуются, скачут,

Ведь снега не было в их век.
И лишь пензячка тихо плачет,
Зажав в руке дамасский снег...

ВТОРОЕ МЕСТО ПОДЕЛИЛИ

Виктория Белзёва

пос. Темерницкий Ростовская области

Фонарь

Фонарь снесли под вечер сентября.
Он тусклым светом нас хранил от мрака.
Он помнил поцелуи, слухи, драки
и помнил не ушедшего тебя.

Он был вполне обычным фонарём –
таких полно в дворах любых панелек.
Прошло четыре года и неделя
и в темноте какой-то мы живём.

Теперь другой стоит у входа в дом.
Он экономный, он рациональный,
и свет его включается случайно,
а, впрочем, говорю я не о том.

Считали мы – фонарь наш личный Бог.
Оберегает юности границы,
склонённый над скамейкой старой птицей,
он понимает улицу, как Блок.

И ты по этой улице идёшь,
шпане дворовой по-соседски машешь,
и оставляешь чёрные, как сажа,
следы. И тухнет весь микрорайон.

Я знаю, наш фонарь в твоём раю
скрипит, когда я здесь шепчу о прошлом.
Коснись железной птицы осторожно –
почувствуй руку тёплую мою.

Владимир Курков

г. Заречный Пензенской области

Осенний сплин

(Триптих)

Мой нежный друг, к тебе не дотянуться,
на ушко не шепнуть важнейших слов.
Судьба распорядилась разминуться
во времени и шуме городов.
Не встретиться в толпе случайным взглядом,
воздушный не отправить поцелуй,
и те часы, когда мы были рядом,
вернуть нельзя, как ты не протестуй.
Приветы из страны полей далёкой
для сердца – поцелуй от облаков –
на жизни холст, от слёз слегка поблёклый,
наносят краски нежностью мазков.
Как солнца луч, ласкаешь словом душу,
но я прошу:
– Не надо, не лечи!
Я так хочу тебя сегодня слушать,
но завтра... Завтра лучше помолчи.

* * *

Прости меня! За что? – теперь неважно.
Хотя б за то, что плывший в темноте
рекой любви, кораблик мой бумажный
сверял свой курс по призрачной звезде.
Мне жаль, но жизнь, корабликом играя,
гоняла ветром долго, далеко.
Судьба его, наверное, такая:
блуждать вдали от милых берегов.
Прости за то, что я встречаю утро
один в квартире каменной, пустой
и лгу себе, что счастлив я, как будто,
камин разжечь пытаюсь берестой.
Наверное, не раз пересекались
и курсом параллельным шли пути.
За то, что мы с тобой не повстречались,
прости, моя далёкая. Прости!

* * *

По мокрому асфальту от ворот,
по лужам, листья ножкой разгребая,
промокшая, озябшая, нагая –
ступает Осень. Мечущийся сброд
ворон крикливых вслед проклятья шлёт.
А наглый ветер, с плеч сорвавший платье,
цепляет косы, держит за запястья
и хлёстким ливнем по лицу сечёт...
Бедняжка, побледневшая от стужи,
в подъезд вошла, стучит чуть слышно в дверь.
Настал мой час: пойду, открою ей.
За столько лет я хоть кому-то нужен.

ТРЕТЬЕ МЕСТО ПОДЕЛИЛИ

Мариса Федотова

с. Потодеево Наровчатского района Пензенской области
Ночь перед рождеством

Спят сугробы у забора,
Спит хрустальная река,
Дед Мороз – прилежный дворник,
Чистит в небе облака.

Чёрной кожаной хлопущей
Разгоняя звёздных мух,
Бьёт по облачной подушке,
И... летит на землю пух.

Снег легко и невесомо
На полянах пляшет твист,
Клён ссутулился у дома,
Словно пьяный гармонист.

Ночь, сменив стальное платье
На девичий сарафан,
По проспекту неба катит,
В новогодний ресторан.

Догорающей лучиной
Ночь погаснет, и тогда
В мире чудо приключится —
Вспыхнет новая звезда.

..Утро радостно и звонко,
Поправляя нитки бус,
Будет вторить перезвонам
Колоколен:
И-и-сус!

Анатолий Арестов

г. Рубцовск Алтайского края

Человек, распятый небом

Что таится в просторах полей и берёзовых рощах,
В вековых замороженно-строгих дубравах Руси,
Где разъевшийся кот на цепи, недостаточно тощий,
Где впиталось в пространство народное: «Боже, спаси!»?

За лесами укрылось крестьянское горе-страданье
По ребёнку, почившему летом в бедняцком роду.
Не унять материнское сердце и с воем рыданье,
Не разбить тишину восклицанием детским: «Агу»

Не омыть ни дождю, ни росе вековую судьбину,
Что несёт человеку с рожденья печальную весть:
Непосильным трудом надрывать иссечённую спину,
Беспрерывно надеясь безропотно хлеба поесть.

Человека, распятого небом, услышат дубравы
И подхватят шуршаньем листвы разрывающий крик,
И вздохнёт человек, и падёт на душистые травы,
И закроет глаза, отягчённые горем, на миг...

Притаилось в просторах полей и берёзовых рощах,
В вековых замороженно-строгих дубравах Руси
Беспробудное горе, молитва святая, где ропщет,
Но не требует боле крестьянин «Святая, спаси...».

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Антонина Кулешова

с. Новый Шуструй Нижнеломовского района Пензенской области
Февральская выюга

Всё село покрыто снегом,
А сугробы, как стога.
Всё бело – земля и небо,
И беснуется пурга.

Ввечеру мороз хлопочет,
Ветер воет и свистит,
Может что-то нам пророчит,
Может быть, за что-то мстит.

Непогода разгулялась!
Словом – русская зима.
Но недолго ждать осталось,
Выйдет срок, уйдёт сама.

Март придёт, капель роняя,
И сосульками грозя.
День заметно удлиняя,
Ночь морозом тормозя.

А за ним апрель примчится
На воздушных кораблях.
Возвратятся с юга птицы,
Зазвенят ручьи в полях.

Сердце радостно забьётся,
Побежит быстрее кровь.
Сладкой болью отзовётся
Невозвратная любовь.

Алексей Булыгин

г. Пенза

Пообщаемся

Пообщаемся, давай пообщаемся.
Ведь не так уж и часто встречаемся.
Мы не памятники, вот и меняемся.
Пообщаемся, давай пообщаемся.

Сладкий мёд, говорят, есть общение.
Посмеёмся, попросим прощения.
Бог даёт на столе угощение.
Добрый будет сегодня общение.

Все тревоги свои и смятение
Пусть развеются в долгом общении.
Мы живые. И прочь все сомнения –
Это главное в нашем общении.

Анна Коржавина

г. Москва

* * *

Скоро двор зарастёт травой.
Велика и роскошна крапива.
Бесполезно искать, кто живой.
Нет ни маленьких, ни счастливых.

Мыши сгрызли вчерашний хлеб.
А жуки доедят картошку.

Больше бабушки в доме нет.
Говорила, что дом хороший.

Виталий Соколов

г. Пенза

Переживём

Народ прошёл и мор, и глад
Не раз в минувшие эпохи,
И люди собирали крохи,
Но устояли и стоят...
Переживём и эту смуту,
И сидя вновь в тени берёз,
Затянем песню про мороз.
Ну, а потом – «Червону руту»...

Валентина Филатова

г. Сердобск

Мой сад

Ты постарел, мой сад родной,
Я, видишь, тоже постарела,
Но духом не охолодела,
И ты цветёшь ещё весной.

Исчезли младости следы,
Пред увяданием нет страха,

Лишь жил бы сладких яблок запах,
Давали б яблони плоды!

Не угасая, в нужный срок
Весна чтоб в гости приходила
И расцветала с новой силой,
И сад мой долго жить бы мог!

Владимир Курков

г. Заречный Пензенской области

Околдованный

Незаметно сдаюсь безмятежности
и теряю способность любить.
На полях нерастраченной нежности
проросла безразличия сныть.

На ромашках гадать мне не хочется.
Не пускает полуденный зной
за грибами в соседнюю рощицу
и за щуками с яркой блесной.

Потревоженный солнечным зайчиком
добродушно отвечаю: «Привет!»
Позавидую рыжему мальчику,
оседлавшему велосипед.

Скачет мячиком лето задорное:
по дорожкам стучит каблучком.
Только мне – задремавшему ворону –
ближе дуб с крючковатым сучком.

Ольга Белова-Далина

г. Прага, Чехия

Разговор с ивой

Ветлой ли, ивой назову – едино:
коль называешься плакучей – плачь! –
роняй листву. Предзимняя година –
тому беда, кто нем, но зряч!
Скажи, а петь – вот так –
горючим словом
нагие ветви и озяблый ствол
и верить,
что весной воскреснешь снова, –
корысть иль худшее из зол?
Молчишь.

Беседовать с ветлой ли, с ивой –
что биться в лихорадочном бреду.
Но вновь, не убоявшись рецидива,
на берег Эльбы я приду.

Татьяна Шварева

г. Пенза

Выюга

Свежий снег в ночи искрится,
холод в щёли лезет – в дверь.
Завертай в окно стучится,
подвывает, словно зверь.

Страшно мне и одиноко.
На отшибе дом стоит.
И луна, прищулив око,
острым рогом вниз глядит.

Шаль накинула на плечи,
быстро подхожу к окну,
пляшет огонёк от свечки...
Пса не вижу. Почему?

Лишь бы волки не задрали
бедолагу моего.
Длинными минуты стали.
До рассвета далеко.

Марина Соловьёва

г. Кузнецк – 12

* * *

Давно исписанные свитки
Сменил привычный монитор,
Встреч ждали раньше у калитки,
Сейчас не манит сенью двор.

И люди перестали верить
В открытый пыл и чувства плен.

Не могут глубину измерить,
Переживая боль измен.

И не тревожит утром ранним
Восход светила в вышине.
И гром раскатом свежим дальним,
В просторах неба по весне.

И не читают больше книги,
Стихов не ценят и не чтут.
Кругом обманы и интриги,
Да все о чём-то врут и врут.

Но есть, я твёрдо знаю это,
Приливы счастья, трепет нот.
Когда в душе ликует лето,
И для тебя весь мир поёт.

Секунды тихо застывают,
И льдинками звенят в ночи.
Они объятья раскрывают,
Пронзая сердце, как лучи.

Толма Городнова

г. Пенза

Зажглась звезда

Воздух наполнен волнением, в небе зажглась звезда.
Кажется, в одночасье мир изменился тогда.
Люди в разных одеждах дары с почтеньем несут
В хлев, где родился младенец, Мира Спаситель Иисус.
И мудрецы, и простые в месте одном собрались,
Тайну рождения познали, в вере единой сошлись.
Дева укрыла младенца в тёплой соломе – пока
Пусть отдыхает Спаситель, слава его на века.

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Худ. Лилия Фадеева

Худ. Юрий Малкин

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена Погорелая

Елена Алексеевна Погорелая родилась 9 июня 1987 года в г. Заречном, Пензенской области. Окончила филологический факультет МГУ. Она литературный критик, редактор отдела современной литературы в журнале «Вопросы литературы», член редколлегии журнала «Литературная учёба», автор сборника стихов «Медные спицы» и книги «Черубина де Габриак. Неверная комета».

Стихи Елены Погорелой печатались в журналах «Звезда», «Октябрь», «Кольцо А», критические статьи и рецензии – в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Знамя», «Новый мир» и др. Она лауреат нескольких литературных премий, живёт в Москве.

Оне

Женская лирика вчера и сегодня. Продолжение.

Начало в №№ 5-2024 и 6-2024

По этой горьковатой интонации элегического смирения, по оттенку негромкого сдержанного сожаления голос Лапшиной узнаётся мгновенно. И не случайно: авторы «первого вектора», как правило, – авторы одной темы, одного узнаваемого лирического героя, одного поэтического сюжета. Если исходный сюжет оказывается подсвечен каким-либо отрефлексированным опытом или лично воспринятой, кровно привитой традицией, то у стихотворения есть шанс состояться. Если же нет – мы получаем либо орнаментальные «дамские», либо тяжеловесные «бабьи» тексты, за крайне редким исключением не поднимающиеся над среднепрофессиональным уровнем поэтической современности.

Встречаются, кстати, и пограничные ситуации. Вот, скажем, И. Ермакова: в её книгах можно найти и стихи условного «первого вектора» (собственно, на его использовании, на обыгрывании одной женской роли строится сборник-мистификация «Алой тушью по чёрному шёлку» (2012) за авторством Ёко Иринати), и второго – цветаевского. Пожалуй, цветаев-

ский вектор сегодня – самый востребованный, ибо демонстрирует свободную от стереотипов поэтику, сопровождаясь практически неизменным отказом от гендера и, соответственно, заданного им ролевого лирического поведения. Отказ может быть сформулирован прямолинейно, как в стихах Е. Горшковой («и девочка Ле становится мальчиком Ле»), но чаще подразумевается самой тканью стиха – как у той же И. Ермаковой, или Н. Сучковой, или Ю. Шкуратовой, открытия Форума молодых писателей 2018 года. Причём, если в стихах представительниц старшего поколения лишённый определённого гендера автор чаще выступает в роли наблюдателя, рассказчика историй (помните – «А ещё наш сосед Гога из 102-й...», типичный ермаковский балладный зачин; подобных немало и у Галиной, и у М. Степановой), вовлечённо либо бесстрастно фиксирующего то, что происходит вокруг, то у тех, чья лирика зазвучала в 2000–2010-е, «наблюдательский» ракурс сменяется ракурсом преимущественно субъектным. Более того: субъект подобного внегендерного типа лирики, её лирический герой, неудержимо молодеет, постепенно оборачиваясь героем-ребёнком. Ребёнком как самой бесполой, самой чистой, самой безусловной формой бытия:

Бог не старик, он – лялечка, малыш,
он так старался, сочиняя пчёлку.
Смотри, как хвойный ёжик непричёсан,
как черноглаза крошечная мышь...

Но взрослые скучны, нетерпеливы,
рассеяны и злы, им невдомёк,
какое счастье этот мотылёк,
кружащийся над зреющей сливой.

И почему он должен слушать их,
когда его за облако не хвалят?
Ну что же ты? Как мне тебя обнять-то?
Всех вас троих...

Это стихотворение Н. Делаланд, написанное в декабре 2018-го, выложенное в её личном блоге и сразу облетевшее Facebook сотнями перепостов, ибо выразило ключевую для нашего века метафору – возвращение к детству как к первооснове бытия и творения. А вот – голос Н. Сучковой, в своей «Деревенской прозе» (2011) ещё раньше уловившей эту тенденцию и обратившейся к детским воспоминаниям – к свободе и неизбежности одновременно. А ещё – к чуду создания, узнавания и называния, причём совершенно не важно, кто даст вещам имена – женщина или мужчина:

Вот и стали мы большими, вот, смотри, и стали,
а когда-то, оглянись, в детском декабре
всё, что было ледяным, делалось из стали,
и стояла круглый год горка во дворе.

Всё тогда вокруг меня было из железа:
молока кривой бидон, дедовы часы,
выходил с ведром сосед, не сказать чтоб трезвый,
кашу снежную пихал горке под язык.

И соседова жена делалась из стали —
выносила синий шланг в шлёпках на балкон:
точно бедного слона, горку поливали,
и гудела малышня, и дымился слон...

Шкура дыбилась, росла, намерзала доверху,
и крепчал, крепчал мороз, и трещали кости,
но торчали на сарайках, точно шляпки кровельных,
терпеливые мальчишки, крепкие, как гвозди.

.

И ещё скажи теперь, милая снегурка,
как ты выбирала их в детском декабре —
самых твёрдых и стальных, но и самых хрупких —
первых разбивавших нос на твоей горе?

Круг замыкается. Мы сбрасываем с себя груз биографических, исторических, гендерных и прочих переживаний и выходим на детское ostranenie, на то, чтобы увидеть этот мир «голыми глазами». В конце концов, чтобы увидеть «прозу» провинциального быта глазами Наты Сучковой или «мелкие подробности» существования глазами Елены Пестеревой, гендер точно не нужен.

Удивительно, но гендер сбрасывают и те, чья идентичность, казалось бы, гендером определена. От андрогинной Наты Сучковой или ещё не преодолевшей рубеж между детством и взрослостью Юлии Шкуратовой по крайней мере этого ждешь, но от Елены Пестеревой в её женственном и женском расцвете? Между тем в пестеревской новой книге — «В мелких подробностях» (2018) — не то что женский образ, но и женский род впервые появляется только на 53-й странице, и то как-то мельком — в подбор и впроброс, в рассказе о том, «как с именем твоим потом несла открытку / в почтовый ящик, а потом-потом / мы шли вдвоём к рождественскому рынку, / ещё не веря, но уже вдвоём». Даже непонятно, о себе это сказано или о ком-то другом? Женщина в лирике Пестеревой может быть полноправной участницей поэтического сюжета, но авторское внимание фокусирует-

ся не только и не столько на ней, сколько на некоем общем бытийном потоке, частью которого героиня оказывается. Как, например, в стихотворении об Анне Леопольдовне, неудачливой российской правительнице, застигнутой и смытой потоком истории со всеми нехитрыми радостями и интимными сладостями её жизни:

Зачем они вдруг говорят: ты девочка, ты красавица, нет, ты принцесса –
и наряжают в фижмы, стараясь, чтоб вышло пышно.
Что же они недовольны, что я влюбилась в немецкого этого нарцисса?
Зачем выбирают мне мужа и спорят, точно я их не слышу?

Приводят бледного жалкого мальчика, тонкого, как тростинка,
я бы такого сама без труда уместила в жмене.
Я нехочунелюблюнелю, но они нас женят
и целых два года гостят незванно: именины, обеды, крестины,

со мной говорят о делах, о бумагах, а мы-то – едва знакомы,
одна суета и скука и улыбаться надо...
Чего они, господи боже, хотят, когда выгоняют
нас всех из дома,
новорождённую крошку мою в спешке роняют на пол,

ну хорошо, мы уехали, все, нас нету.
Они увезли с собой моего пятилетнего сына,
разделили меня с любимой.
И кажется – так, для смеха,
пишут мне разные гадости в письмах буквами косыми.

Мы то и дело едем или дворами стоим чужими.
Мне даже радостно стало рожать каждый год – всё же дети.
Очень скучаю по старшему, Катя растёт глухая, но Лиза и Петя
здоровы, Алёша тоже толкается как двужильный.

Я пятые роды не вынесу, это без лекаря ясно.
Господи боже, храни моих деток.
Юлю мою не остави.
Весёлую, лёгкую, шустрюю Юлю мою – ей теперь
белое с красным
ткать полотно и шить двадцать лет, будто швея простая.

Нам в нашей жизни хватило сполна и любви, и счастья.
Господи, славься.

Понятно, что в случае Пестеревой это абсолютно сознательный выбор: увидеть мир не фоном для романного сюжета с героиней в ложно-классической шали в главной роли, а с позиции наблюдателя, «в мелких подробностях». Именно это умение переключаться, отвлекаться от диктата собственной, пусть и лирической, биографии, предписывающей расценивать всё вокруг как имеющее отношение к личной истории героини (ср. у Ахматовой – «Но мы с ним такое заслужим, Что смутится двадцатый век...»), и отличает «цветаевский» вектор от «шкапского» и «ахматовского», характеризующихся, как ни крути, обострённым вниманием автора к собственной поэтической роли и женской судьбе.

Продолжение следует

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился 21 апреля 1972 в Красноярске. Российский поэт, прозаик, публицист, критик. Окончил МИСиС и Литературный институт им. А. М. Горького.

Главный редактор портала «Правчение.Ру» Издательского Совета Русской Православной Церкви, научный сотрудник совета, главный редактор Международного детско-юношеского литературного конкурса «Лето Господне» им. Ивана Шмелёва, эксперт Патриаршей литературной премии и Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу». Лауреат и стипендиат многих литературных премий.

Ведёт творческий семинар в Литературном институте им. А. М. Горького.

«Ещё молимся...»

**Антон Хрулёв. России не нужны проповеди... –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2024. – 239 с.
11 ил.**

Не дай вам Бог попасть в разряд носящихся с нашей несчастной культурой – засмеют, объявят, как водится от Екатерины Второй и Радищева, опасным сумасшедшим, станут и избегать, и шушукаться за спиной, а то и затравят, и так, что ни о какой культуре и думать не захочется. Жизнь станет немила... а вот, поди ж ты – в каждом колене русских людей, не выведенных судьбой в крупные или даже средние руководители (и вообще руководители чего бы то ни было), заводятся неведомо как сопротивленцы победительной пошлости, и их стойкость с прошествием лет

становится для целых регионов рифмой к чести и славе, персонифицированным достоянием.

Я счастлив знать Антона Хрулёва с его чуть исподлбья, несмотря на высокий рост, взглядом из-под очков. Умница, правдоискатель, редкий патриот Пензенского края, журналист, поэт, волонтер, солдат – чем ещё могут быть обозначены тридцать пять лет простого русского труженика? Пожалуй, слогом. Он, уж поверьте, даётся в руки не так охотно, как может показаться со стороны – любой слог заслуживается чистотой намерений.

Антон ещё совсем юн, хотя за плечами у него многие и многие потери. Недавние – сослуживцы по СВО. Вот и в этом году он вряд ли поступит в Литинститут, и об этом нам уже пришлось говорить – не такова действующая армия, ведущая бои, истекающая кровью, чтобы легко и свободно отпустила своего старателя в отпуск на сессию... и значит, высшее образование пока ещё ждёт момента, когда ветеран СВО освободится от круглосуточных армейских забот.

В своей первой книге, которую Антон вдруг взял и собрал, показано, как нужно любить культуру. Так уж прямо и любить? И за что, скажите на милость, любить все эти старые усадьбы, пороги которых переступали какие-то наши полузабытые классики, памятники, бюсты, аллеи и тропы, где ещё слышится иногда дыхание блаженного девятнадцатого столетия? А дело в том, что у Антона, как и у многих из нас, иного Отечества, чем старые вензеля на осыпающихся фасадах, не было, и нет. И нас не то, чтобы так научили в школе – почерк нашего классического школьного образования слишком формален. Любовь не прививается извне, а начинает звучать внутри зрелого человека, если ему вообще хоть что-нибудь на земле оказывается дорогим. Помимо дельной зарплаты, устойчивого социального положения, государственных и общественных наград, упоминаемости в прессе куда более краеугольным оказывается выстроенный внутри каждой души дом Веры, Надежды и Любви. Вот о чём, пожалуй, эта книга – о том самом доме.

* * *

...России, конечно, нужны проповеди, только подлинные, а не писанные девочками-копирайтерами своим добрым дядюшкам из областных администраций. Любовь, которую вездесущие племянницы такими общими словесами подделывают, не звучит и, разумеется, никаким эхом не отдаётся в людских сознаниях, поскольку придумана такая фальшивка временщиками – сегодня здесь, а завтра там, и постоянно на повышение. А земля... а земля к ним равнодушна, терпит их, пружинит под ними, но не более. Она вообще недолюбливает недропользователей всех мастей. Антону в голову не приходило сделаться кем-то таким. Его любовь к родной земле мучительна и трудна. Он видит источник бед – официальное надруга-

тельство над природой, памятью, славой. Как удаётся ему вдаться во все обстоятельства великого русского горя, растворённого в каждом из нас, уразуметь их, принять, будто бы испить чашу горького вина, и хотя бы попытаться уврачевать их наложением рук?

О России Антон мыслит статьями – о Толстом, Белинском, Задорнове, Крылове, Державине, народной культуре, но и самые наполненные сожалением криком строки у Хрулёва готовы мгновенно отступить в тень перед феноменологией шедевра. Если правду молвить, ничего, кроме поклонения, культура и не подразумевает, и потому дурнее всего выглядит именно в момент отречения от поклонения, когда вдруг вместо храма и молящегося предстаёт пиром во время чумы и плясками на костях – вот настоящее хамство, в котором пытаются вырастить уже не первое поколение.

«Не ходим ли мы по кругу, господа? Каждый человек, который не разучился думать, анализировать, способен видеть происходящее в нашей стране, в наших городах, на наших улицах безумие. Всё те же пороки: алчность и жестокость способны довести людей до состояния безумия, как ту самую Грету. Ведь совсем неважно, XVI или XXI век на дворе...» («Безумная Грета»)

Хамство – это и беспечный и беспредельно цинический официоз, которому поистине «везде у нас дорога», но хамство – это и такое же бескрайне подлое подполье, ненавидящее сам дух страны за то, что он отвергает любые извращения в угоду скороспелой и подлой западной моде. Между двумя чудовищами из Одиссеи Хрулёву удаётся проложить единственно возможный фарватер – воли и совести. Но сколько угодно можно рассуждать о пензенской поэзии, первом в России цирке или голландской живописи, и рассуждать веско, не просто «со значением», а с пониманием предмета, но реальность остаётся прежней: подвижник «на гражданке» живёт в общежитии и работает в такси. Ему ни разу не предлагали работы именно там, где его силы могли бы быть применены с полной выкладкой и отдачей. Стоит Антону вернуться со специальной военной операции, как прежняя нищета охватит его вместе с женой и сыном заново, стиснет и закружит по городским и областным трассам.

Так что ж, Россия отвергает правдоискателя? Нет: чиновный класс, ненавидящий горестные истины:

«Складывается впечатление, что у одних, там, наверху, какая-то своя культура, и им виднее, что нужно народу. Потому и приглашают для молодёжи «артистов», которые создают «хиты», наложив на восемь строф текста два-три аккорда, и гордо разместив их в соцсетях или каких-нибудь чартах радиостанций. Их объявляют звёздами, и молодые люди под эти ритмы, вой и чавканье дёргаются, как на дьявольском ритуальном обряде, не понимая, что происходит вокруг. Порой на городских площадках выступают невесты откуда явленные рифмоплёты с бездарными виршами, а деятели культуры их прославляют, создавая репутации».

Антон-Антон, зачем же ты сказал эти необдуманные слова?

Обдуманные. И было, для чего их сказать:

«Если не предпринимать конструктивных мер по сохранению культуры постоянно и оперативно, то она гибнет. Я имею в виду настоящую культуру, а не её имитацию, которая штампуются разными блогерами-рэперами, зазвездившимися в запрещённых ныне социальных сетях и значных местах. Если чиновники не перестанут устраивать на литературных фестивалях ярмарки с торговлей исподнего, а рядом с памятниками великим деятелям культуры жарить шашлыки, воцарится мрак имитации «великой» культуры в отчётах и на фотографиях в соцсетях» – взывает Антон, а слышат ли его? Скажем так – Москва слышит, публикует, а сделать ничего не может. Неужели – уезжать из родных мест, искать прибежища в мегаполисе, спасаясь и спасая ближних не только от безденежья, но и ощущения поражения, бессилия и надлома?

Скажите – «молодо-зелено, какие ваши годы, ещё успеется». Слышали... и вот что готовы ответственность – легко рассуждать пристроенным на тёплые места от самого рождения. В системе фактически феодальной имущим, живущим на неведомо как скопленные миллионы, ничего не стоит махнуть рукой. А вот у сирот – иное. За них никто горой не стоит, кроме той самой нашей любимой «Родины» – невероятной, непомерной и больше воображаемой в сознании, которое юркие и подлые либералы так и норовят обозвать «рабским». Они-то не рабы ничего, кроме собственного благополучия, только разве ж признаются? А вот сироты одни только и любят Родину действительно как мать, и бестрепетно идут её защищать именно они. Так уж выходит.

«25 марта 2022 года к 8:00 ч. утра я прибыл в Пензенский военкомат, чтобы вступить в ряды добровольцев и принять участие в спецоперации, которая проходит на территории Донецкой и Луганской народных республик и Украины».

Война, беженцы, гуманитарка, добровольцы, герои, павшие в боях, военврачи – на скольких ещё униженных и оскорблённых растянется душа Антона? Счёт идёт на сотни, а скоро пойдёт и на тысячи.

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться? – спрашивал великий Блок. У Хрулёва и вопроса такого не возникает.

Каждое утро свою молитву у стен Новодевичьего монастыря я заканчиваю словами «и воинство русское, воинов Антония, Димитрия, Димитрия, Алексия, Арсения, Константина, Фёдора, Петра...», и точно так же каждое утро поминает меня в походной церковке-блиндаже Антон.

Вместе...

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Немова

Ирина Борисовна Немова родилась в с. Волхонщино, Кондольского района Пензенской области 17 января 1969 года.

Окончила Пензенское культпросветучилище, юридический факультет СГА, получила дополнительное образование – экскурсовод, гид. Работала библиотекарем, юристом. С 2018 года занимается краеведческими исследованиями. Ирина Немова ведёт исследования рода «Мозжухиных-Карассарини», «Горюшкиных-Сорокопудовых» и др. Публиковалась в газетах «Сурские просторы», «Пензенская правда», в журнале «Четверговая соль». Участница работы литературного клуба «Я сень».

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области.

Автор 30 поэтических и прозаических книг, на её слова написано более 30 песен, выпущено два диска. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Лауреат ряда литературных премий, награждена знаком «За заслуги перед городом Пензой».

Основатель литературного журнала «Четверговая соль». Организатор и многолетний руководитель литературных клубов «Берега» и «Я сень». Член Союза писателей России.

Сурский звук

Что касается мировой поэзии, романтики считают, что именно Пензенщина есть место её рождения и исхода. Это утверждение не удивляет, если посмотреть, сколько пишущих стихи и состоявшихся поэтов представляют наш край. Ярким явлением минувшего года стал, например, всероссийский фестиваль поэзии «Мурмураль».

Что касается изобразительного искусства – Пензенское художественное училище имени К. А. Савицкого долгие годы держало статус лучшего учебного заведения этой сферы искусства. Помню даже случай, когда выпускникам ПХУ, поступавшим в столичный художественный вуз, в приёмной комиссии сказали, что большему, чем в училище, они вряд ли у них научатся.

Что касается театра – известно: первый в России театр был открыт в Пензе. И сегодня несколько творческих коллективов претендуют на звание театральных.

Что касается музыки, тоже есть, чем гордиться пензякам: и замечательными хорами (Архангельский, Гришин и др.), и ансамблем «Старгород», музыкальными группами и яркими музыкантами и авторами-исполнителями... Навскидку: Роман Давыдов, Алексей Львов-Белов, Сергей Струков, Анастасия Суднева... И песни в исполнении наших солистов никого не оставят равнодушными.

Теперь коснёмся изобретений в сфере музыкальной культуры.

В июне 2023 года Ирина Борисовна услышала аудио-рассказ директора московского Музея музыки Михаила Брызгалова об уникальной трёх-грифной гитаре в 23 струны, изобретённой неким Михаилом Штряниным из деревни Бессоновка колхоза «Гигант» Куйбышевского округа.

*Перепечатка из куйбышевской газеты в «Вечерней Москве»
от 14 сентября 1935 года, № 213 (3542), с. 2.*

Инструмент поступил в музей из Всесоюзного дома народного творчества в составе большой коллекции (свыше 800) музыкальных инструментов народов СССР после их демонстрации на ВДНХ в 1937 году. Более полувека – до 2013 года – эта гитара ни разу не экспонировалась в музее.

И начались поиски. Оказалось, что в 1932–1934 годах Михаил Штрянин изобрёл свою 23-струнную трёх-грифную гитару, сочетающую в себе свойства гитары, арфы и цитры. Им был изготовлен единственный эк-

земляр. Этот необычный музыкальный инструмент хранится в Москве в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

Более двух лет изобретатель вёл активную переписку с чиновниками всех уровней с ходатайством о материальной поддержке. Но, как у нас принято, не получил её. Зато в 1936 году сыграл на ней концерт в деревенском клубе.

Навряд ли наш земляк, уроженец Пензенской губернии, Михаил Николаевич Штрянин мог знать, что в 1924 году инженер гитарной фабрики Gibson Ллойд Лоэр сконструировал первую гитару с магнитным звукоснимателем, в 1931 году появились первые электрогитары Жоржа Бошама и Адольфа Рикенбекера из алюминия. Запатентовали это изобретение в 1936 году. В 1927 году пытался сделать такой инструмент 12-летний Лестер Уильям Полсфуса, но завершилась работа с помощью Теда Маккарти лишь в 1952 году. Юрий Николаевич Мухин, которого называют первым изобретателем советской электрогитары сделал это в конце 40-х, а в 1932 году только родился.

М. Н. Штрянин со своей гитарой

Гитара М. Н. Штрянина

В 2024 году гитаре исполнилось 90 лет. Продолжив поиски, Ирина Борисовна нашла правнучку мастера. Она подтвердила, что Михаил Николаевич Штрянин родом из Пензенской губернии. Всю жизнь прожил в Пензе. До войны работал слесарем-инструментальщиком на заводе ЗиФ, потом был направлен на партийную работу в колхоз «Гигант» села Бессоновки. В семье сохранились фотографии и одна именно с этой гитарой.

А потом была война. Первый Украинский фронт. Медаль «За отвагу» в 1943-м. И мирная жизнь, работа на Дизельном заводе и пожизненная любовь к музыке.

Итак, Пенза – родина первой электрогитары России.

Изобретение музыкальных инструментов получило великолепное продолжение. Наши земляки, отец и сын Кукаевы, обнаружили особое

звучание пензенского клёна и уже много лет делают струнные инструменты, пользующиеся спросом во всём мире.

В мастерской Кукаевых

*Артём Кукаев с контрабасом
и музыкантом из Петербурга*

– В 70-е годы минувшего века, после службы в армии, много плохого говорилось о нашей промышленности, выпускающей музыкальные инструменты. И я решил доказать, что наша Родина СССР – не только самое справедливое и культурное государство, а наш народ талантливый и трудолюбивый, но и наша музыкальная культура на высоте. Начал исследования, идеи закреплял патентами. Через двадцать пять лет получилось услышать ЗВУК, причём из нашего остролистого клёна. Мой сын Артём учился в Московской консерватории, закончил аспирантуру. И одновременно осваивал мастерство изготовления музыкальных инструментов, – рассказывает Александр Васильевич Кукаев.

Струнный ансамбль с кукаевскими инструментами в Японии

Теперь СУРСКИЙ ЗВУК звучит во всех уголках планеты – от Японии до США. Ценители естественного, возвышенного, объёмного звучания – наши соратники.

Александр Волков

Александр Васильевич Волков родился в 1955 г. в Магнитогорске Челябинской области. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В. Г. Белинского – педагог, краевед, член Союза журналистов РФ, Почётный работник среднего профессионального образования.

Автор книг: «190 лет Пензенскому аграрному техникуму», «Училище садоводства и казённый сад в Пензе», «Солдатские судьбы агрономов» и многих других. Печатался в журнале «Сура», Энциклопедии ПГПУ им. В. Г. Белинского, ряде сборников. Лауреат премии журнала «Сура» (2012).

Герой жил на соседней улице

Однажды наш учитель истории Александра Николаевна Лобанова принесла на урок недавно изданную книгу «И родом они пензенские...». Она была посвящена пензякам, ставшим в годы Великой Отечественной войны полными кавалерами ордена Славы. Среди её героев был и уроженец Весёловки Дмитрий Фёдорович Барышников (1918–2013), очерк о котором («Хозяин сорокапятки») написал молодой журналист Олег Савин.

Дмитрия Фёдоровича в селе хорошо знали. Связано это было с тем, что бывший артиллерист, работая электромонтёром в городском радиоузле, провёл радио практически ко всем домам в Весёловке. Детвора с интересом наблюдала, как ловко и быстро забирался он на столбы, натягивал провода и крепил их на фронтонах домов. Телевидение ещё не пришло в нашу жизнь, поэтому радио расширяло познания о стране и мире, а проводником этих знаний был весёлый монтёр Дмитрий Барышников.

Тем, кто жил на улице с понятным названием Бугровка, бывший фронтовик был особенно хорошо знаком, так как ежедневно поднимался по этой улице, идя на работу. У

дома № 1 заботливый хозяин сделал удобные лавки, на которых часто отдыхали сельчане, поднимаясь в трудную гору.

Вечером здесь собиралась шумная компания молодёжи, с которой любил отдохнуть возвращавшийся с работы Дмитрий Барышников. Закурив папиросу, он обычно охотно рассказывал о своей боевой судьбе, о страшных сражениях, в которых ему пришлось участвовать, об освобождении Польши и Венгрии. Ежегодно, 9 Мая, видела Весёловка своего прославленного уроженца при всех боевых наградах, которые он надевал, отправляясь на празднование Дня Победы. Небольшого роста, широкоплечий, улыбчивый мужчина шёл по родному селу, принимая поздравления с праздником от земляков. Шёл победитель, шёл полный кавалер ордена Славы!

Вскоре ветеран войны получил квартиру в Пензе и уехал из Весёловки.

Вновь я начал искать встречи с Дмитрием Фёдоровичем уже в начале 2000-х годов, когда стал заниматься созданием музея в школе № 62. Такой номер получила бывшая школа в Весёловке, став в 1978 году городской, т.к. село вошло в состав Пензы. Конечно, уроженцы села – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. были главными героями школьного музея.

*Барышников
Дмитрий Фёдорович*

Поиски Дмитрия Фёдоровича заняли несколько дней, так как с родным селом он уже не был связан. Из телефонного разговора с ним удалось выяснить, что жил он тогда в семье старшего сына и практически ослеп. Я попросил его что-нибудь передать для создаваемого музея в новой школе, которая была открыта в Весёловке губернатором В. К. Бочкарёвым 5 сентября 2006 года. Через несколько дней его сын вручил мне «Книжку красноармейца РККА» и несколько фотографий. Сегодня их можно увидеть в витринах школьного музея. Скончался фронтовик в 2013 году в возрасте 94 лет и похоронен на Аллее Славы Ново-западного кладбища. Одна из улиц города носит его имя.

ПУБЛИЦИСТИКА

Антон Хрулёв

Антон Геннадьевич Хрулёв родился 30 марта 1989 года в г. Никольске Пензенской области.

Автор сборника стихов «Рассвет души». Публиковался в различных изданиях районного, областного, федерального и зарубежного уровня.

Дипломант VI межрегионального фестиваля «Часовые любви», 50-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в Языково, I-го литературного фестиваля «Белинская весна», Победитель Всероссийского конкурса «Школа литературной журналистики «Молодой Дельвиг».

Сотрудник Фонда содействия развитию русской культуры. Член Союза журналистов России. Спецкор «Литературной газеты».

Внутренний голос

«Всё повторяется, всё движется по кругу» – нудит мой внутренний голос.

Снова враги стремятся уничтожить Россию. Снова на её защиту встали лучшие её сыновья. Снова лучшие её дочери верой своей, заботой и участием спасают и вдохновляют бойцов. Но...

Сколько ещё должно пройти времени, сколько русских солдат должно погибнуть, быть ранеными, остаться инвалидами, чтобы немалая категория якобы граждан вспомнила и осознала слова императора Александра III: «У России есть только два союзника – её армия и флот». Всё, господа и товарищи, всё! Больше у нас никого нет, и не будет. И это необходимо помнить каждому.

И вот мы на фронте читаем новости, которые происходят в нашей стране, и если вначале они вызывали недоумение и удивление, то со временем становятся рутинной информацией о том, что глубинная Россия живёт какими-то совсем иными понятиями о происходящем.

Например, в Новосибирской области устраивают конкурс для детей и семей мигрантов. А почему бы не совместный – с российскими вкупе? В Москве после теракта в «Крокус Сити Холл» таксисты-мигранты отказы-

ваются перевозить на переднем сиденье «неверных» т. е. нас с вами, граждан, жителей и гостей столицы. Нередко хамское поведение мигрантов вызывает множество вопросов к тем, кто отвечает за их приезд и за то, как они получают те или иные документы в нашей стране. Повсеместно. И это ещё не всё. Недавно в Пензе прошёл книжный фестиваль «Алло, Лермонтов?». Замечательное дело, но вопрос к организаторам: ведомо ли им, кто был на этом фестивале почётными гостями? Возможно, нет. Но тогда, пожалуйста, прочитайте и задумайтесь. «Нетвойнисты» Снегирёв, Данилов, Сенчин, Кучерская и Шубина. Если кто-то забыл об этих товарищах, которые нам совсем не товарищи, то интернет помнит всё. Да и с урапатриотами типа Шамана не всё просто: те миллионы, что платят им региональные правительства и не только, могли бы пойти на прямую пользу стране.

Некоторые чиновники из министерств и ведомств, как федеральных, так и региональных, пытаются вернуть или «отмыть» тех, кто уехал на свою вторую родину ещё в феврале 22-го. Но ладно бы, если они молча уехали и на этом всё. Так нет же! Они активно занимаются помощью и сбором денежных средств для давно уже небратской украинушки. Они беспрепятственно продолжают зарабатывать здесь, в России.

Все эти действия происходят во время проведения специальной военной операции, когда десятки тысяч людей находятся на фронтах, а другие десятки, а точнее, что уже и сотни тысяч людей им помогают. Зачастую инициатива «снизу» обрезается на корню чиновными руководителями, которых устраивает положение «моя хата с краю», а порой и останавливает отсутствие сиюминутной выгоды от предложений активных граждан.

Так пензенские общественники, неравнодушные люди, пытаются создать в селе Суворове Пензенской области, где вероятнее всего родился выдающийся полководец Александр Васильевич Суворов культурно-исторический центр, но части пензенских историков и управленцев этого не нужно.

То же происходит с Лесом Победы и аллеями героев России в Парке Дружбы: люди во главе с В. А. Небогой сажают деревья, представители власти стараются отнять территорию под свои прибыльные проекты и вредят разными способами народной инициативе.

Постоянно возникают вопросы к руководителям сфер культуры, образования, о патриотизме...

Но, к сожалению, ответы на эти вопросы чаще всего повисают в воздухе. Пока же Мамона правит этим миром. Люди утопают в алчности и корысти.

Однажды Народный артист СССР Евгений Леонов сказал: «Вы злые, потому что слабые. Добрым быть гораздо труднее».

Игорь Коротков

Игорь Юрьевич Коротков родился 25 июня 1965 в г. Миасс Челябинской области. Детство провёл в с. Кажлодка Мордовской АССР. Окончил Пензенский политехнический институт по специальности инженер-механик.

Потомок и исследователь народа шокша. Соавтор книги «Удивительные странствия Доктора Шокша». Основатель музея народа шокша в с. Грабово Пензенской области, где и проживает.

В настоящее время работает тренером по самбо, дзюдо.

Кто есть шокша

РУСЫ – ВАНЫ – ПЕРСЫ – УГРЫ – МАДЬЯРЫ – САКИ – САКСЫ – ШОКША – ШУКША – РУСЫ

Я полагаю, все слышали, как Президент Владимир Владимирович Путин, рассматривая выкупленные в Европе старинные карты, на первом канале телевидения сказал о трёх мордовских народах – эрзя, мокша и шокша.

В современном социуме два первых известны широко. История третьего такова, что этот народ оказался в тени.

Так кто же такие шокша?

Начнём с Венгрии. Существует такая легенда: «После смешения языков великан [Нимрод] вошёл в землю Хавила, которая сейчас называется Персией, и там у него от жены Энет родились два сына – Хунор и Могор. Именно от них произошли гунны, или венгры. Однако у великана Нимрода были и другие жёны, кроме Энет, от которых он произвёл на свет много других сыновей и дочерей. Их потомство населяет землю Персии. Они напоминают гуннов по росту и цвету кожи, лишь немного отличаясь речью...».

В Венгрии так же проживает множество потомков алан, а они персидского корня, т. е. русы. Венгры славились как отменные стрелки из луков. Эти навыки они принесли из Персии от своих учителей мардов.

Кто же такие марды? А это лучшие лучники в персидском войске. Марды и венгры – угры. Обратимся к древним знаниям: в «Зенд Авесте» написано, что персы пришли (приплыли) на свои земли с верховьев реки двидвойной Ранхи-РА (Волги) – реки Сура!» Это не противоречит знаниям генеалогии, доказавшей, что исход ариев – R1a – в Персию и Индию произошёл с Русской равнины.

Ещё немного о мардах. Персы говорят, что они угры, но не мокша и не эрзя. Тогда кто же? Но шокша – это изменённое временем название саксы. А саксы были воеводами у венгров. Имеется ещё одно название этого народа – мардваны. А ваны – мудрецы древности. Следовательно, мардваны есть мудрецы, давшие имя современной мордве. Разбор формулы угры так же радует вечным откровением. Это вернувшиеся из Югры народы, уходившие туда много веков назад.

Миссию «защитников территории и веры» прежде несли казаки. На территории Пензенщины (включая земли нынешней Мордовии) искони вдоль рек Шокша и Шукша стояли казачьи станицы. И рода шокшан в статусе казачества охраняли границы своей земли.

Достоинство служения народа шокша Родине в их участии в отрядах опричников Ивана Грозного. Поэтому, начиная с 15 века, после засилья Запада в управлении Россией, начались гонения на род шокша. Им пришлось скрываться от репрессий. Своё спасение они нашли в лесах, где проживали мокша и эрзя. Это одна из причин того, что языки этих народов стали для них вторым родным языком.

Сегодня краеведы-западники тиражируют «научное мнение», что шокшан «осталось два человека», подумав, уточняют, что две деревни. Из-за двух деревень В. В. Путин вряд ли бы стал напоминать о народе шокша. В России и по миру представителей народа шокша проживает много миллионов человек: в России, Ливане, Сирии, Венгрии, Англии и в других странах. Сегодня доморощенные краеведы начинают искать мифические корни шокши, объявляя этот народ то эрзянами, то мокшей.

Я считаю, что всем трём современным угро-финским народам, проживающим в России, надо объединиться и совместно развивать свою культуру, традиции, сохранять родственные языки и защищать нашу общую Родину – Россию. Все знают, что треугольник – самая прочная геометрическая фигура. Так давайте же останемся тремя краеугольными её углами.

А. И. Рыжиков:

Среди мордвы-мокси и мордвы-эрзи затерялась крохотная народность мордвы — шокша. Конечно, газет, радио и телепередач на шокшанском языке нет, но он существует, и его с трудом понимают мордва-эрзя и еще труднее — мордва-мокси.

Андрю Каргонь:

Сильно отличается одежда шокша от эрзя.

Лаун Масто́нен:

Василий Шуки́ин – шокша. И Овечкин.

Барух Цукерман:

Шокши раскинуты от Питера до средней Волги.

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области.

Автор 30 поэтических и прозаических книг, на её слова написано более 30 песен, выпущено два диска. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Лауреат ряда литературных премий, награждена знаком «За заслуги перед городом Пензой».

Основатель литературного журнала «Четверговая соль». Организатор и многолетний руководитель литературных клубов «Берега» и «Я сень». Член Союза писателей России.

Война у каждого своя

«У каждого война своя» – так назвала книгу своих воспоминаний о тяжких испытаниях, выпавших на долю СССР в 40-е годы минувшего века, педагог Мария Леонидовна Савина.

Родители мои фронтовики. Мама Вера Назаровна Середенина осенью 1941 года рыла окопы и противотанковые рвы в стройотряде, потом работала стрелком ВОХРа в Булычёвском заготзерно. Ранней весной 1942 года её с подругой направили сопровождать эшелон с зерном для блокадного Ленинграда. Ехали в открытом вагоне, с одной винтовкой и тремя патронами. Спали, зарываясь в зерно. Попадали под бомбёжки...

А по возвращении вызвали Веру Серединину в военкомат, из Иссинского района 13 девушек отвезли в Пензу, откуда сформированную команду направили в г. Борисоглебск Воронежской области на краткосрочные курсы пулемётчиков. По окончании учёбы Вере Назаровне выдали пулемёт ДШК.

Непосредственно в боях она участвовала с декабря 1942 по октябрь 1945 года. Была командиром пулемётного расчёта, сержант. Сначала воевала

в 4-м зенитно-пулемётном полку 3 дивизии Юго-Западного фронта. В Воронеже обороняли авиазавод, переправу через Дон. Бомбили их ежедневно.

От Воронежа двинулись на Нижнедевицк, Усмань, сражались на Курской дуге, освобождали Киев. При освобождении Киева полк был почти весь выбит и уже с новым составом вошёл в 1 Украинский фронт. Там она числилась наводчиком № 1 первого отделения первого взвода первой роты первого батальона. Имеет 36 благодарностей командования, Почётную грамоту от командования Юго-Западного фронта, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», все послевоенные награды.

Она много рассказывала о боях, гибели товарищей, командирах, лично сбитом «Юнкерсе», множественном ранении, госпиталях, военврачах, Германии... Как в минуты затишья бойцы пели песни, а ей удавалось писать стихи, которые печатались в полковом «Боевом листке».

А папа о войне говорить не любил. Перед самой войной рабочего Горьковского автозавода Ивана Кузьмича Терёхина призвали в армию. Направили за Урал, вероятно, в Омск, на краткосрочные курсы младших командиров, получил звание старшего сержанта.

Поздней осенью 1941 года их часть отправили на фронт. Солдатам катастрофически не хватало оружия – на всю теплушку было три винтовки. 908 стрелковый полк стоял под Москвой, на Калининском фронте.

В декабре 1941 – январе 1942 г. 246-я дивизия понесла значительные потери, в их полку боевого состава осталось 60 человек.

С 6 по 9 января дивизия была пополнена и переброшена под г. Ржев. 22 января 1942 г. противник атаковал позиции наших частей, применив танки и большое количество бомбардировочной авиации. 908 полк оказался в окружении врага.

В начале февраля 1942 г. он держал оборону в районе Ерзово, Мончалово, оставив на поле боя около 600 человек.

15–16 февраля наша оборона в районе Гончары, Ерзовский лес была разрезана немецкими танками.

17 февраля с наступлением темноты части сняли оборону и около 300 человек пошли в южном направлении. В течение 8-ми дней бойцы и командиры, не имея продуктов питания, измотанные 25-ти дневными боями в окружении, пробирались через немецкую линию обороны к своим ча-

стям. Командиры приказали всем снять знаки отличия и, в том случае, если бойцы попадут в плен, сказаться рядовыми.

Выйти из окружения надеялись в районе Ступино между д. Чернево и Ивлево. Все три деревни оказались занятыми противником. Два дня искали проход, двигаясь по лесу, без дорог, в глубоком снегу. Люди выбились из сил и партиями отставали. Днём колонну сопровождали бомбёжки, обстрелы. Миномётный и автоматный огонь не прекращались и по ночам. Орудия и машины были брошены, станковые пулемёты потеряны или выбыли из строя, осталось несколько ручных пулемётов.

Вышедших из окружения после короткой проверки распределили по разным воинским частям. Иван Терёхин 5 мая 1942 года был направлен снова в 908-й полк, уже рядовым стрелком, где и воевал до 9 марта 1943 года, когда был ранен навывлет в грудь вражеской пулей.

Это были тяжелейшие зимние бои на выступе между Орлом и Белгородом, где наши части противостояли мощнейшей группировке фашистов Центр. Позже этот выступ назовут Курской дугой. Три состава 908-го «забытого» полка за время боёв были выбиты, и только четвёртый дошёл до конца войны, получив название Львовский.

В военном билете Ивана Кузьмича написано, что он ранен был под Орлом, он уточнял: под Белгородом.

Недавно участница литературного клуба «Я сень» Лилия Васильевна Белова (Выборова) передала мне пожелтевшие от времени листы – воспоминания о Великой Отечественной войне её отца Василия Васильевича Выборова. Далее мы предлагаем читателю

Записки капитана Выборова

В 1941 году Василию Выборову было 17 лет. Сразу по окончании десятилетки его мобилизовали и направили в школу ФЗО при Сыктывкарских лесозаводах.

«Окончив её, я работал комлевым обрезчиком, потом начальником цеха. А многие выпускники ФЗО разбежались по деревням – трудовой день длился 12 часов без отхода от станка: изнурительная работа, плохое питание (три солёных гриба в ночную смену). Такое могли выдержать лишь юноши, воспитанные на примере Павки Корчагина.

В июне 1942 года как представитель молодого поколения рабочих Коми АССР в составе делегации сопровождал эшелон с подарками в освобождённую Тулу. А в августе был призван Василий Выборов в армию. Направили его в учебный батальон 33 запасного стрелкового полка, который дислоцировался в Архангельске. Город этот «был осенью 1942 года вторым по голоду после Ленинграда».

Василий Выборов описывает несколько эпизодов, показывающих, до чего голод доводил молодых людей.

«Стояли мы в болотах, вода сверху и вода снизу. Табак запасникам не выдавали, если удавалось раздобыть на сигарку, курили её по одной затяжке несколько человек. Был у нас в части одессит, эвакуированный в Коми, Власов. Он во всём лучший был – пробежать ли, отжаться, гранату бросить или тяжесть поднять. Как-то раз ему последняя затяжка досталась, и он, обжёгши губы, ошетинился (бритва ещё не касалась его щёк) и говорит: «Эх, Выборов, поесть бы досыта и умереть не страшно».

Однажды ждали мы очереди возле столовой, глядим, побежал по болоту солдат, а за ним пять или шесть вдогонку. Догнали, привели, связав ему руки сзади. Оказалось, он сумел заскочить на кухню, зачерпнуть пилюшкой каши и, пока бежал, глотал её. А один мой земляк носил всегда в кармане мешочек с солью: посолит круто кусочек хлеба в столовой, а потом воду пьёт. Он ещё ходил по помойкам и собирал тресковые головы. Заболел животом и умер в санчасти. Были у нас и дезертиры.

А по службе поднимали нас на тушение пожаров, шпионов ловить, которые подавали сигналы немецким самолётам, строить на болотах оборонительные сооружения.

Однажды патрулировали по городу, и около нас остановился «козлик». Вышел мужчина в кожанке, подозвал нашего лейтенанта и говорит: «Если увидите свет в окнах, стреляйте по ним». Я потом спросил у лейтенанта, кто это был. Он ответил: «Папанин».

8 ноября 1942 года в порту «Экономия» охраняли мы грузы из английского морского транспорта – танки «Матильда», алюминий, штабеля наполненных чем-то мешков. В таких случаях нам выдавали винтовки с боевыми патронами. Вдруг завывла сирена, небо разрезали лучи прожекторов, высветили самолёт, и началась стрельба. По крыше складского навеса забарабанили «градины» – я не сразу сообразил, что это падают осколки от взрывающихся в небе снарядов, и что они могут меня убить. Касок нам не выдавали.

Всех моих одногодков в декабре 1942 года отправили под Сталинград. И никого из них больше никогда я не видел.

Продолжение следует

Марат Валеев

Марат Мансурович Валеев родился 7 января 1963г в г. Абдулино Оренбургской области. Окончил Пензенский политехнический институт по специальности «Радиотехника». Работал инженером, инженером АСУ, в настоящее время работает заместителем главного конструктора проекта по электронике.

Печатался в журнале «Четверговая соль». Живёт в г. Пензе.

Перед боем

В небе тёмном багровый рассвет освещает окоп на заре.
Кто ты, воин, народный герой или пешка в безумной игре?

Может, в юности светлое время ты за партой со мною сидел,
А теперь, прижимая приклад, щуришь глаз в иностранный прицел.

Перед боем – глухое безмолвие, лишь зудит под бушлатом, как вошь,
по натянутым нервам царапает напряжения, мелкая дрожь.

След ракеты искрящей дугой замахнулась косой в поле смерти.
Плоть людскую и звонкую сталь замешала враз в огненном смерче.

Бес куёт в преисподней мечи, подстрекает: «Таффай, упиффай!».
Судьбы тонут в бессовестной лжи – не понять, кому в ад, кому в рай.

На ветру одинокий фонарь за окошком надрывно скрипит.
И тревожно в ночной тишине материнское сердце стучит.

Боже, я ни о чем не прошу! У меня Сам, что хочешь, возьми.
Заклинаю одной лишь мольбой: сыну жизнь моему сохрани.

Тишина над бойцами стоит. Им подняться уже нету мочи.
Белый снег примерзает к лицу, замечает открытые очи.

Пепел матом покрыл поле боя, блиндажи, догорая, трещат –
Искры цепью возносятся к небу, словно души погибших солдат.

Я же мучусь вопросом одним, душу он разъедает, как дым:
Если борются бесы за власть, почему умирать молодым?

Неужели, лукавое племя, безнаказанно сможете вы,
Ухмыляясь, гребущей рукою злато, «зелень» делить на крови?

Нет, Всевышний воздаст вам за всё: за убийства и горестный крик.
Продающих Отчизну позор впишет кровью в историю штык.

Олег Карев

Олег Николаевич Карев родился в 1973 году в с. Клеймёновка Каменского района Пензенской области.

Имеет несколько рабочих профессий. Инвалид по зрению.

Печатался в звуковом журнале «Сура», в альманахах «Поэт года, 2017» «Дебют, 2017», «Четверги». Участник литературного клуба «Я сень».

Я убит, но не сломлен

Я убит, но не сломлен.
Я погиб, но – живой.
Моё имя запомнят.
Моя вера со мной.

Моя вера – в Россию,
Моя вера – в любовь,
Моё сердце остыло,
Но жива моя кровь.

Пусть землёю укрыт я,
Но живые цветы
Скажут мне: «Не забыты
Твоя цель и мечты!

Твоя вера – в Россию,
Твоя вера – в любовь,
Вера в Божии силы
И что мир будет вновь.

Мы землёю укрыты,
Но к могилам следы
Скажут нам: «Не забыты
Ваша цель и мечты!».

Наша вера – в Россию,
Вера в русский народ,
В его мудрость и силу,
Что к победам ведёт.

Александр Кукаев

Александр Васильевич Кукаев родился 13 июля 1954 в Пензе. Изобретатель, имеет несколько патентов: изобретения в области акустики музыкальных инструментов получили международное признание. Владеет двумя десятками специальностей. Исследователь древности Сурского края, народов России и их единства с Русским Миром. Эксперт по вопросам национальной безопасности.

Суворовские носки

Забота о солдатах – один из Суворовских кодов победы! Носки, казалось бы, обычный элемент воинской амуниции. Уникальность «Суворовских носков» в том, что они вязались с двойной пяткой – чтобы дольше служили. Но мы говорим о сохранении жизни солдат, а не о сохранении «жизни» носков. Тем более, потери в войсках часто наступают ещё до износа носков. Поэтому вернёмся к Суворовским кодам ПОБЕДЫ! Коды – вдохновение верой, наследием побед предыдущих поколений, любви к Родине. Род Суворовых – хранитель многотысячелетних знаний «Науки побеждать». По этой причине, даже к носкам отношение было как к элементу ПОБЕДЫ. Наши родовые традиции тесно переплетаются с небесными откровениями, поэтому ПОБЕДА не нова, это уже в душе. Передаю то, о чём мне поведали древние поколения. «Двойная пятка» – оберег нашей веры. Мы – православные, шли во время Крёстного хода и в жизни «по солнцу» – посолонь, т. е. направо. А это и есть направление к зарождению жизни. У кого ориентир «налево», это уже к смерти. Так вот, вязать пятку мастерица начинала слева направо – слой к ноге, а второй ряд – справа налево. Получаем ПОБЕДУ жизни над смертью, жизнь «наступает» на смерть, даже и в сапоге. В этом заключается причина того, что суворовские солдаты, во время марша, передвигались быстрее противника и уставали намного меньше. С марша в атаку... и ПОБЕДА! Мои предки, когда вязали носки, с двойной, а то и с тройной пяткой, вплетали в шерстяную нить нитку из крапивы или льна, так прочнее. Пропитывали носки берёзовым дёгтем, а это защита от мозолей, простуды и даже гангрены. А главное, носки модели «Посолонь» и другие Суворовские коды Победы – защита от зла и смерти. Чем войска А. В. Суворова и отличались.

В Индии и странах распространения индуизма и буддизма принято обходить с ритуальной целью храмы посолонь – на санскрите это называется «дакшина» (от слова «дакша» («правый»)) – и правая рука во время этого ритуала обращена к объекту поклонения (индуистский храм (мандир), буддийская ступа и т. д.). Слово «дакшина» имеет соответствие в латинском языке – «декстер» (dexter) – «правый» (украли). Практика зафиксирована в священных текстах, созданных ещё в древние времена. Получается, «Полосонь» древнейшее духовное движение, данное Свыше.

Следует отметить, в Индии, Египте, Шумере, Японии... существует культ женщины, держащей на руках ребёнка, данная культура соответствует православной традиции Богородицы со Спасителем на руках. И это не удивительно. Сура – место школы индийских Богов. Египет – копты, культура схожая с культурой русов севера. Япония – праматерь императорской семьи – Амата Расу, мама Раса. Рас – сын света РА – Духа Святого, культура Спасителя!

Памятник толстопятым в Пензе

А. В. Суворов

Вопрос движения к жизни посолонь необходим к переводу в разряд и утверждению «Духовная собственность» или «Небесное авторское ПРАВО», так вот, существует древняя православная икона икон «Символ Веры». Тексты молитв, иконы святых расположены внутри КОЛОВРАТА, который вращается во Вселенной ВПРАВО! КОЛОВРАТ – врата к познанию мудрости КОЛО – Солнца. Мы знаем, что Рождество Христово связано с солнечным циклом, и это не католическое, а Космическое Рождество!¹ 25 декабря солнце всходит в созвездии Девы, как бы Иисус-Солнце – рождается от Девы. Изменённый (с умыслом) календарь «передвинул» Рождество в России на 7 января.

¹ В Европе Рождество отмечают 25 декабря, а в России – 7 января. К слову, последнее Рождество 25 декабря Россия отмечала в 1917 году, в 1918 году Рождество не отмечали вовсе, а в 1919 году Рождество уже праздновали 7 января.

А. В. Суворов отмечал Рождество Христово 25 декабря, по космическому календарю.

Закончу цитатой Бориса Андреевича Успенского: «Если движение против Солнца обусловлено приобщением к потустороннему миру и объясняется, в конечном счёте, архаическими представлениями о перевёрнутости, присущей этому миру, то движению по солнцу – к жизни, может быть поставлено в связь, напротив, со стремлением оградиться от потустороннего мира, предотвратить распространение смерти».

Следовательно, даже «Суворовские носки» хранят в своей миссии Космические коды православной Победы!

7532 ЛСМЗХ = 2024 РХ

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕЦ»

Владимир Антипов

г. Пенза

Лидии Терёхиной

За мыльной суетностью дней
В вечернем свете фонарей
Мне видится неблизкий путь.
Так хочется туда свернуть,

Где слышен запах диких трав
И, временной барьер поправ,
Проехать по ухабам лет,
Тех повстречать, кого уж нет;

Услышать смех былых друзей,
Прижаться к той, что всех родней,
И, не жалея сил и ног,
Пройти по пыли тех дорог.

Жина Стёпочкина

г. Пенза

Вериги памяти

Моей безумной ревности картины...

Наталья Дурцева

Спой мне, птица Алконост,
Чтоб забыть про боли,
У меня печалей воз,
От вериг мозоли.

Впрочем, подожди, не пой,
Я поторопилась.
Там, где нарождалась боль,
И любовь гнездилась.

Но пришла беда потом –
Ревность – острым шилом.
Радость выпавшим птенцом
Вдребезги разбилась.

Так бывает, что в грязи
Есть и счастья блики.
Буду долго я носить
Памяти вериги.

Ольга Корчагина

г. Пенза

Татьяне Рузаевой

Юлой вращается земля.
Бывает тишь, бывают бури,
и тьма ночей, и блеск лазури.
Ты оглянись на вираже,
«Эй!» – крикни прошлому. Уже
Оно, конечно, не вернётся,
Но кто-то, может, отзовется;
Поможет словом или взглядом,
А кто-то просто встанет рядом.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Маргарита Ардашева

Маргарита Викторовна Ардашева родилась 19 января 1996 г в Ставрополе.

Окончила СГПИ, магистрант 2 курса СКФУ, преподаватель русского языка, литературы и философии.

Публиковалась в журналах «Сура», «Дарьял», «Новая Юность», сборниках «Полифония», «Молодые писатели. Новые имена».

Про буквы

Нога в коричневом, не слишком плотном носке, быстро погрузилась в глубину высокого кожаного ботинка. Мне показалось, что что-то отделилось от стопы, как отрывается кожа на мозолях. Лёгкий дискомфорт и холодок прошли, и я не стал терять время, а наспех, совершенно по-идиотски, завязал шнурки и вышел в подъезд.

Не хлопать дверью, не топать громко, но и не шаркать, не разговаривать на лестнице – меня с детства приучили жить бесследно, беззвучно. Наверное, это хорошо.

До магазина, где я всегда покупаю букеты, в которых могут быть любые цветы, но обязательно есть эвкалиптовые веточки, идти минут пятнадцать. К середине пути руки замёрзли, я стал втискиваться в перчатки. От самых пальцев и до запястья кожа сморщилась, слегка зашелестела, и с моей кисти на заиндеветый асфальт упали несколько букв. Ещё не понимая, что происходит, и как к этому относиться, я подобрал их, как отскочившие пуговицы, и, не глядя, сунул в карман.

Ветта по обыкновению не поцеловала, а чиркнула носом по моей щеке. Я потерял ещё пару букв. Как это можно объяснить, и почему оно ещё не объясняется? Широкая лестница, ведущая к площади, сплошь усыпана дубовыми, кленовыми и платановыми листьями. Может, это тоже буквы? Только зачем и кому адресованы? Или же смысла нет, воедино их

рошо, подумаете вы, и опять же, будете неправы. Фея, хоть и в двадцать четвёртом поколении, махала палочкой, как попало. Из-за чего весь дворец был на вечном ремонте: то стенка треснула, то бабочки к полу прилипли, то водопад люстру смыло. Ещё одной неприятностью были балы. Если вы мечтательно улыбнулись от одной мысли о бале, опять же, уверяю, вы ошиблись. Балы это зло, особенно если вам ещё до рождения наступил на ухо дракон. Придворные дамы, конечно, промолчат, если им наступит на ногу сам король, но как это неудобно, просто жуть. А больше всего его величество расстраивала невозможность погулять по королевскому саду в одиночестве. Что это за прогулка, когда за тобой целый хвост ходит: и придворные, и советники, и фея. А где фея, там и бабочки...

Так и приходилось королю для прогулок выбираться из спальни через окно. И совсем не обязательно гулять по главным аллеям. Вот если пойти по этой тропинке, да мимо этого неприметного фонтанчика, то можно увидеть её, девушку с такими удивительными глазами, которые встречаются только у фей, если только они не двадцать четвёртого поколения.

А потом они будут сидеть на краю фонтана, перебирать букет из ромашек и тихо разговаривать обо всём, кроме, конечно, придворных, советников и бабочек. Но...

Ох, уж мне это но, всегда оно выскакивает внезапно, хотя без него не было бы и сказки.

Задача

Машка старше Вадика на пять минут.

Зато Вадик выше Маши на пять сантиметров.

У Маши на пять пятёрок больше, чем у Вадика.

Зато у Вадика пятёрка по пению.

А Маша на гимнастику записалась.

Зато у Вадика зуб выпал, молочный.

А Маша пять книг за неделю прочитала.

Зато Вадик за пять минут починил планшет, который неумеха-Машка сломала.

Вопрос: успеют ли брат и сестра прибраться в квартире за пять минут до прихода родителей? И если нет, то кому из них попадёт?

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Иван Тянькин

Он родился 31 марта 2007 года в г. Заречный Пензенской области. Участник молодёжной творческой площадки «ЗатоАрбат». Победитель, призёр и дипломант ряда конкурсов.

Печатался в коллективных сборниках и альманахах.

* * *

Этот дом давно заброшен.
Интересно, что внутри?
Сад заросший не ухожен,
И окон разбитых – три.

Загляну вовнутрь, а что там?
Вижу, в комнату войдя,
Выгнут потолок, как лодка, –
Протекает от дождя.

Там – сундук старинный в кухне,
Здесь – подзоров кружева,
Колыбелька для малютки
Лишь сгодится на дрова!

Кто тут жил? С годами в тайну
Не проникнуть и лучу...
Дом хранит воспоминанья –
Я спугнуть их не хочу!

* * *

Весенний гомон. Блещет солнце.
Я чувствую себя живым!
Оно лучом своим коснётся,
Дождём умоем проливным.

Встаёт природа вновь из спячки.
Летят грачи, нам шлют привет.
Спешу я вынуть из заначки
Свой старенький велосипед!

Там, где вчера сугробы были,
Сейчас подснежники цветут!
И льдинки по ручьям поплыли –
В наш край они весну несут!
Проснулось всё: деревья, травы
Вновь потянулись к солнцу ввысь!
Весна! И большего не надо!
Я чувствую себя живым!

Старый дом

Этот дом давно заброшен.
Интересно, что внутри?
Сад заросший не ухожен,
И окон разбитых – три.

Загляну вовнутрь – что там?
Вижу, в комнату войдя,
Выгнут потолок, как лодка, –
Протекает от дождя.

Там – сундук старинный в кухне,
Здесь – у печки кочерга,
Колыбелька для малютки
Лишь сгодится на дрова!

Кто тут жил? С годами в тайну
Не проникнуть и лучу...
Дом хранит воспоминанья –
Я спугнуть их не хочу!

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Живописец Якуть — в Неверкино

...Споры профанов и знатоков вызвали пейзажи молодого, талантливого художника... Леонида Якутя. При входе в зал, где размещена выставка картин художника, вас встречает сам маэстро, но не во плоти, а «Автопортретом», укреплённом на мольберте. С холста мимо нас, вбок, смотрит задумавшийся, ушедший в себя, артистической внешности – «кудри тёмные до плеч» – художник.

...Свое кредо художник выразил лаконичной формулой – романтический реализм. И пояснил: «Мной движет стремление достичь недостижимого – приблизиться к одухотворённости холстов Леонардо да Винчи и Ивана Крамского».

...Я же хочу сказать о первом впечатлении от увиденного на этой выставке. Входишь в зал и останавливаешься поражённый – увидел «Ночь на Суре». Слова бессильны выразить чувства, которые охватывают вас при созерцании этого полотна. Как магнит оно притягивает ваш взгляд вновь и вновь. Картину нужно видеть своими глазами.

...Якуть – современный колдун, способный своей волшебной кистью увлечь вас за собой в те места, где бродил с этюдником, открыть красоту угасающего летнего вечера («Летний вечер. Пейзаж с сосной»), берёз («Лето. Берёзы»), заставить свободно дышать при виде свежего голубоватого снега («Овраги. Проталины»), пройти вместе с ним вечером по заснеженной аллее в парке («Вечереет. Зимняя аллея»).

Вновь и вновь в картинную галерею, в нашу «сельскую третьяковку», будут приходить люди, вырвавшиеся из спешной повседневности, чтобы отдохнуть душой от забот, дать пищу глазу и уму. И будут смотреть и смотреть на холст «Ночь на Суре. Ахуны», ощущая тревожно-волнующее действие этого шедевра.

И. Мануйлов.

«Сельские вести», с. Неверкино,
17 июня 1992 г.

Конкурс «Одно стихотворение года: итоги»

Жюри конкурса «Одно стихотворение года» в составе председателя пензенской организации Союз писателей России Дмитрия Николаевича Жаткина и членов СП РФ Лидии Терёхиной (Дорошиной), Вячеслава Филонова, Марины Герасимовой (Полежаи), Светланы Попеевой и Алексея Питикова подвело итоги за 2024 год. Награждение состоялось 26 декабря.

В конкурсе приняли участие 97 авторов из Пензы и Пензенской области, Москвы и Московской области, Ростовской области, Санкт-Петербурга, Уфы, Саратова, Краснодар и Алтайского края, Воронежа и Самарской области.

На первое место по баллам вышли Татьяна Вадюнина (г. Сердобск Пензенской обл.) и Нина Стёпочкина (г. Пенза).

Второе место поделили Виктория Беляева (пос. Темерницкий Ростовской обл.) и Владимир Курков (г. Заречный Пензенской обл.).

Третье место заняли Лариса Федотова (с. Потошеево Пензенской обл.) и Анатолий Арестов (г. Рубцовск Алтайского края).

В различных номинациях дипломантами стали Инвер Шеуджен (г. Краснодар), Маргарита Курочкина (г. Заречный Пензенской обл.), Юлия Пучкова (г. Москва), Мария Логинова (г. Никольск Пензенской обл.), Сергей Коннов (г. Заречный Пензенской обл.), Галина Акимова (г. Сердобск Пензенской обл.), Людмила Коннова (г. Заречный Пензенской обл.), Роман Точилин (г. Тольятти Самарской обл.), Инесса Тюткова (г. Заречный Пензенской обл.), Виктор Глазунов (пос. Подлесный Пензенской обл.), Владимир Прихунов (г. Санкт-Петербург), Ольга Кручинина (г. Лыткарино Московской обл.), Олег Карев (г. Пенза), Вениамин Крутов (г. Заречный Пензенской обл.) и Виталий Соколов (г. Пенза).

Особыми призами жюри отметило стихотворения Виктора Воронина, Ольги Корольковой и Надежды Соиной (г. Никольск Пензенской обл.), Елены Колесниковой (г. Воронеж), Елены Полежаевой (г. Пенза), Вячеслава Грачёва (г. Москва), Ларисы Арефьевой (г. Сердобск Пензенской обл.), Сергея Лушана (г. Воронеж), Анастасии Крутецкой (г. Заречный Пензенской обл.), Татьяны Симаковой (г. Саратов).

Среди детей-участники конкурса места распределились так: 1 место заняла Анастасия Адамова (г. Заречный Пензенской обл.), 2 место поделили Тихон Будряшов (г. Пенза) и зареченцы Злата Рогоулёва и Глеб Гурин. Третье место занял Иван Панькин, также из г. Заречного Пензенской обл.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, ДИПЛОМАНТОВ И ПРИЗЁРОВ! ЖЕЛАЕМ НОВЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В ГЯДУЩЕМ ГОДУ!

Жюри

Москва. 19 декабря на состоявшемся Международном музейном форуме Интер-музей Экспо Ирина Борисовна Немова представила наш журнал «Четверговая соль». Теперь кроме Ленинки и Музея музыки наш журнал имеется в Госфильмофонде России, в музеях Орла, Севастополя, Ставрополя, Гурзуфа, Арзамаса и Ростова.

6 декабря главный редактор нашего журнала Антон Геннадьевич Хрулёв встретился с главой Каланчакского округа Херсонской области Петром Алексеевичем Мустияновичем. Говорили о патриотическом воспитании молодёжи. Антон Геннадьевич передал для СОШ н. п. Новоивановка журнал «Четверговая соль» и свою книгу «России нужны не проповеди».

22 декабря в Никольске участницы нашего литературного клуба «Я сень» – руководитель поэтического клуба «Рифма» Людмила Захарова и Лилия Белова приняли участие в мероприятии областной библиотеки им. В. Г. Белинского «Вечер русского платка». Людмила Павловна читала свои стихи, а Лилия Николаевна исполняла романсы.

ВСПОМНИМ

В. Н. Ладыженского – 19 января
А. С. Пушкина – 29 января
А. С. Грибоедова – 30 января
А. С. Тургенева – 16 февраля
Н. С. Лескова – 21 февраля

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Алексея Алексеевича Питикова – 5 января
Марата Мажуровича Валиева – 7 января
Елену Александровну Козину – 8 января
Наталью Николаевну Дурцеву – 15 января
Ирину Борисовну Немову – 17 января
Сергея Алексеевича Филина – 18 января
Нину Александровну Шеменкову – 1 февраля
Наталью Вячеславовну Каресли – 4 февраля
Ольгу Михайловну Гиясову – 25 февраля
Наталью Владимировну Кащееву – 25 февраля
Людмилу Павловну Захарову – 26 февраля.

20 декабря 2024 года нашему главному редактору Антону Геннадьевичу Хрулёву был вручён орден «За мужество и отвагу».

